

Р190151

Кр.

ВИКТОР ГЫШКОВ.

БЫЛОЕ

(„ГУБЕРНАТОР“)

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ.

Издание

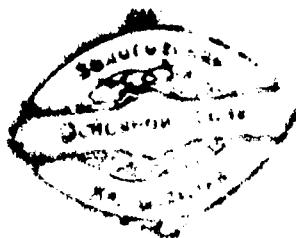
Вологодского Областного Отделения
Государственного Издательства
ВОЛОГДА 1922 г.

20

ВИКТОР РЫШКОВ.

„БЫЛОЕ“
(„Губернатор“).

Комедия в 4-х действиях.

Подание
Вологодского Областного Отделения
Государственного Правительства
Вологда 1929 г.

20

Типография Профтехнической школы Иолис. Пропагон.

Р. В. А. (Водяной) 398

Тираж 3000 экзем.

„Былое“

(„Губернатор“).

Комедия в 4-х действиях

Виктора РЫШКОВА.

Л И Ц А:

Вирязев, Александр Петрович, губернатор.

Леля, его дочь.

Mademoiselle Ами, ее компаниянка.

Удалцов, Навел Кириллович, познаймейстер.

Удалцова, Аграфена Ниловна, его жена.

Гречинщев, Герман Романович, жандармский полковник.

Репьев, Алексей Николаевич, чиновник при губернаторе.

Хохрев, Степан Никитич, богатый купец.

Хохрев, Михаил Степанович, его сын, чиновник при губернаторе.

Спеченская, Екатерина Алексеевна, начальница гимназии.

Кипарисов, Василий Ильич, священник.

Цуккер, Владимир Маркович, купец.

Граф Стебницкий, вице-губернатор.

Арсений, лакей губернатора.

Моргун, вестовой губернатора, городовой.

Гимназист старшего возраста.

Рябо в. доктор.

Экономка и две горничные у Вирязева.

Лакей на пикнике.

Полицейские чины разных степеней.

Гости, солдаты-музыканты и прислуга на пикнике и
просители и гости у губернатора.

Действие в губернском городе на Волге, перед войной.

*Между первым и вторым действиями проходит неделя,
между вторым и третьим один день и между третьим и
четвертым три дня.*

К сведению артистов и режиссера.

Вирязев. 63 лет. Всегда молодится: подстригивает подстригивающие седые волосы на голове и седоватые усы, бороду носит только на подбородке и бреет щеки. Носят элегантные летние костюмы и обувь и цветные галстуки. В первом и во втором действиях — в форме губернатора (тружданской).

Лезя. 18 лет. Костюмы простые, но изящные, по типу английских.

Ани. 26 лет. Всегда одета красиво, но умопомешанно без особого франтовства, о котором мечтает, но с которым временно при нуждена расстаться.

Удалыцов. 50 лет. Во всех действиях (будто и спит в них) в полной форме полицеймейстера со всеми орденами, в лакированых сапогах со шпорами и с шашкой на портупее. Платые и все — с иголочки. Усы, небольшие баки и седоватые волосы, подстриженные «ежом».

Удалыцова. Лет 45. Одета дорого, но безвкусно. Не была красиво и в молодости.

Григищев. Лет 35. Форма жандармского полковника. Одет всегда франтом: сапоги лакированные, со шпорами. Игучий брюнет. Густые черные волосы причесаны гладко, с пробором. Длинные холеные усы: щеки, подбородок тщательно выбриты. Держится независимо, чувствуя свою силу и власть, сознавая сколько для он может сделать вся кому.

Реньев. 25 лет. В первом действии — в черном винт-муниции, с черным бархатным воротником и золотыми пуговицами, в кетахах — один и тот-же, летний костюм.

Хохрев-отец. 65 лет. Красивый, благообразный старик, с седыми выщипанными волосами, без прошленины, и с длинной белой бородой. Опрятное русское платье и высокие сапоги. Волжский миллионер, старообрядец.

Хохрев-сын. 23 лет. Молодой красивый купеческий сынок, кончивший 2 класса гимназии. Стремится наружным видом походить на франтов губернского „большого“ света.

Сиечинская. 50 лет. Красивая, с легкой присущностью; всегда в темном платье и с гладкой прической. В лице нечто усталое и скромно-затаенное.

Кинарнов. 60 лет. Седой слегчайший перейд. Законоучитель в гимназиях. Одет часто и парадно, в шелковую рясу. Длинные волосы тщательно расчесаны. Ханжа из тех священников, которые работают перед сильными мира для получения выгод и наград.

Цуккер. 50 лет. Состоительный купец, еврей; одевается чисто. Борода, усы; седоватые волосы не поддаются прическе и торчат на голове кошкой.

Граф Стебницкий. 32 лет. Блондин, сильно лысый; усы льняного цвета; остальное на лице — выбрито. Костюмы, очень тщательно обдуманные и на все остальные части костюма — на ботинки, галстуки, пиджаки — обращено усиленное внимание; изредка в глаз закидывает мочечку. Походка старческо-расхлябанная.

Рябов. 45 лет. Грузинский, значительно опустившийся в провинции интеллигент. Выход на пикнике — в мениковатом черном спортуке и форменной фуражке.

Гимназист. 18 лет. В гимназическом мундире, застегнутом на все пуговицы; в единственном выходе — красный и золотой, с прической, несколько испорченной испариной.

Арсений. Лакей губернатора. Почтенный человек 50 лет; в баках и с гладкой, тщательной прической. Всегда во фраке и в белом галстуке. Держится самостоятельно, почти важно.

Моргуи. Старший в городе городовой, именно потому называемый несменяемым вестовым к губернатору. Человек лет 60; седой, с усами; щеки и подбородок выбриты. В форме, с большими медалями на шее и малыми — на груди. Забитый и скромный, вежливый даже с прохожими. Привык ходить по губернаторским комитетам без шума, на цыпочках и говорить негромким голосом.

Экономка. Пожилая серьезная женщина без улыбки. Одета чисто и очень прилично.

Горничные Вирязева. Две. Молодые. Обе франтовато и опрятно одетые; на прическах белые наколки.

Лакей на пикнике. Человек средних лет, с ухватками ресторанныего слуги. Во фраке не первой свежести.

Проститутки. (1 действие). Восемь человек. Желательно разнообразие в возрасте, костюме, соцологии. Можно: барышню, купица, чиновника, крестьянину, монахиню, журналиста, антрепренера, исправника.

Полицейские чины (2 действие).— Пристав, надзиратели, городовые, исправник, станиовой, урядники. Все молодцеватые и упитанные. Одеты франтами; в лакированных сапогах. Все внимание всех сосредоточено на особе губернатора.

Гости на пикнике (2 действие) и гости у губернатора (4-е действие) самые разнообразные типы высшего общества среднего губернского города.

Солдаты-музыканты. (2 действие). Военный оркестр серого, захудалого армейского пехотного полка—до войны.

Лакеи на пикнике. (2 действие). Люди из клубных и рестораных официантов, во фраках с чужого плеча и не первой свежести.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Казенная квартира в губернаторском доме. Две комнаты: налево приемная губернатора, направо его кабинет. В приемной три двери: из прихожей во внутренние комнаты квартиры и в кабинет; телефонная будка; большое зеркало; стенные часы; диваны и стулья; круглый стол среди комнаты и письменный - для лежурного чиновника - около двери в кабинет. В кабинете две двери: из приемной и в смежную гостиную. Богатая казенная обстановка: дополненная личными мелкими вещами, безделушками и потретами в рамках.

Асто. Одиннадцать часов утра.

Моргун стоит у двери из прихожей в приемную.

Рельев сидит у письменного стола в приемной и разворачивает пакеты и бумаги.

Удалцов ходит по приемной, курит папиросу и, ежеминутно поглядываясь в зеркало, поглаживает усы и щеки; левая рука в белой перчатке, и в этой руке - фуражка и рапорт.

Вирязев входит из гостиной боком, с сигарой в руке; в другой его руке - рука Ами. На пороге приемной останавливается и целиком в лицо руку Ами. Ами возвращается в гостиную, Вирязев делает ей прещательный жест рукой, захворывает дверь, покуривая, садится к письменному столу и нажимает кнопку звонка на правой стороне стола.

Удалцов (Хмыкает привычный звонок и взглянув на стенные часы показывают 11—немедленно гасит папиросу, оправляется у зеркала, откашливается и входит в кабинет. Останавливается, не доходя двух шагов до письменного стола, и, зевнув широкими, рапортует). Честь имею доложить вашему пр-ву, что в городе все обстоит благополучно... В тюремном замке на лице 1458 арестантов, из коих политических семьсот сорок че...

Вирязев. И довольно, друг мой. Довольно... Благополучно, и слава Богу. Остальное не важно... Садитесь... (*Протягивает руку*).

Удальцов. (*Подбегая*). Честь имею кланяться, ваше пр-во... (*После рукопожатия, кладет на стол ратпоря и прятывает в кресло*).

Вирязев. Сейчас у меня дело по-更重要ее ваших арестантов. И политических, и уголовных..

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во...

Вирязев. Как вам известно, на днях моя дочурка окончила гимназию.

Удальцов. Так точно... Имел счастье поздравлять ваше пр-во. И Елену Александровну ..

Вирязев. И вот, друг мой, это событие необходимо отметить. Каким нибудь праздником...

Удальцов. Пикником, ваше пр-во?..

Вирязев. Браво!.. Сразу!.. А я гадал, придумывал... Браво, друг мой. Пикником. Именно -пикником.

Удальцов. Погода чудесная, вечера теплые, ночи лунные... На том берегу Волги, ваше пр-во? У родничка?..

Вирязев. У родничка... Именно... Местность очень живописная..

Удальцов. Местность единственная, ваше пр-во... В сущности маленький клочек земли. Но перед глазами Волга, и, как на ладони, словно вся наша матушка Русь...

Вирязев. Прекрасно... Место установлено... А в какой день и обо всем остальном переговорите сейчас с т-ею Ами... Не надо откладывать. Пока не изменилась погода.

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во...

Вирязев. А... а матерьяльную часть пикника проведите сами.

Удальцов. Обычным порядком, ваше пр-во?

Вирязев. Ну-да... По бывшим примерам. Только на этот раз, как говорится, по первому разряду. Это событие надо отметить подобающим образом... Вообще, друг мой, теперь ее надо развлекать, Лелю. И вы помогите мне... На-днях ей воз-

семнадцать лет... Женихов в этом городишке у нее, конечно нет. И быть не может. И необходимо, чтобы она была чем, нибудь занята. И не скучала... Ну-с, и сегодня я вас больше не задерживаю...

Удальцов вспоминает.

Вирязев. Очень занят... (*Мызыка на груду бумаги, на скрипке*). Конечно—„бумажки“... Но, за каждой бумажкой стоит живой человек. И ждет своей участии... (*Протягивает руку*). До свиданья, друг мой...

Удальцов. (*При рукопожатии*). Честь имею кланяться, ваше пр-во... (*Звяжнув широкими ладонями приемной*).

Вирязев. Да! Кто из них дежурный?

Удальцов. Репьев, ваше пр-во.

Вирязев. (*С легкой grimaceй*). Репьев?...

Удальцов. Так точно, ваше пр-во.

Вирязев. Не нравится мне этот юноша... „Студент“! И сразу видно, что в школе на голове был синий околыш. А не наина первая трехуголка. Не лиценст. Не прааед!..

Удальцов. Всегда видно, ваше пр-во... Сразу. Всегда...

Вирязев. „Студент“!.. О, сколько горя приняла наша многострадальная Русь от этих „студентов“...

Удальцов. Исстрадалась, ваше пр-во! Зловредный народ. Неспокойный...

Вирязев. Скажите-же этому зловредному, чтобы он подал мне почту...

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во... (*Ходит в приемную*).

Вирязев, покричав, поднимает бумаги, не читая их.

Удальцов. (*Репьеву*). Его пр-во приказали подать почту.

Репьев. „Просил“, полковник, а не „приказали“... (*Обращает пакеты и постукивает в ходит в кабинет*).

Удальцов. (*Ему велено*). Мне приказали. А вам как угодно.. (*Неодобрительно покачивает головой*).

Спечинская, Кипарисов и другие посетители, находящиеся за это время из приложений в приемную и записавшиеся у Репьева, сидят, в ожидании приема, на фанах и стульях: одни молча, другие разговаривают вполголоса.

Удальцов, поздоровавшись с некоторыми за руку и кивнув тем, кто при его появлении, спешно вскочил на ноги, послал Моргуну во внутренние комнаты доложить Али и, когда Моргун вернулся и распахнул перед ним дверь, ушел туда.

Репьев. Здравствуйте, ваше пр-во.

Вирязев. Здрасте... Почта?

Репьев. Да.

Вирязев. Петербургской много?

Репьев. Десять пакетов.

Вирязев. Я очень занят сегодня. Оставьте только петербургские. Остальные вскройте и передайте в Правление и в Канделярию. Потом — мне доложат.

Репьев *выбирает и кладет на стол* *одну* *часть из* *общей* *группы* *принесенных пакетов*.

Вирязев. Затем... Я вызвал на сегодня начальницу гимназии. И священника Кипарисова.

Репьев. Они здесь.

Вирязев. Пустите же к очреди. Сейчас.

Репьев. Кого просить раньше?

Вирязев. (*Вглядывая на Репьева не то с сожалением,* *но то с легким презрением*). Хотя он и священник, раньше, конечно, — дамы...

Репьев *выходит в приемную*, *принимает Спекчинскую* *у губернатора*, разговаривая с нею *вполголоса*, *водит ее до двери в кабинет*, *садится к столу* и *разбирает почту*.

Спекчинская. (*Входит в кабинет*). Здравствуйте, Александр Петрович...

Вирязев. (*Внимательно* *щупает ее руку*). Мое почтение, Екатерина Алексеевна... Прону вас. Прону... (*Махнувши на свою шапку*). Вы разрешаете?

Спекчинская. Пожалуйста.

Вирязев. Мерси... Я так рад, что вижу вас... Наки и наки, хочу поблагодарить вас за добное отношение к моей сиротке... Семь лет она пробыла под вашим теплым, материнским крыльницом...

Спеченская. Леля такая милая девушки, что не добре отношение к ней было бы просто—преступлением... Не одна я,—все любили ее в гимназии.

Вирязев. Мерси, друг мой, мерси!.. Да. И я, и покойная жена—вы знали ее!—мы всегда думали о том, чтобы сделать из нее милую... *S'est le mot...* именно „милую“ девушку. Но... волею судьбы, жена не дождалась... И, если бы Господь не сжался надо мной, не послал мне в помощь такую удивительную воспитательницу, как *madame* Ами, не знаю... Я не знаю, как бы я справился с этим трудным делом...

Спеченская, *чтобы можно не отвечать, выдергивает пальку из паузы.*

Вирязев. А теперь, дорогая Екатерина Алексеевна, у меня к вам большая просьба... Вы имеете такое влияние на мою дочь. Уговорите ее. Зачем...зачем эти „курсы“?.. Нельзя же всем и весь век учиться? Ведь у женщин есть другое, свое назначение. И особенно—у женщин нашего круга... Уговорите ее, ради Бога!..

Спеченская. Александр Петрович. До сих пор нам не приходилось говорить на эту тему. И только этим я могу объяснить, что с подобной просьбой вы обращаетесь ко мне. Сама я училась до тридцати лет. И я не могу угонаривать Лелю остановиться на гимназическом образовании. Тем более, что с нею я уже говорила по этому поводу очень много. И—в совершенно обратном направлении...

Вирязев. (*После милой паузы—головно).* Жаль... Очень жаль, что не нахожу в вас поддержки... Жалы!. Связанный службой, я не могу ехать с дочерью в Петербург. И, конечно, не решусь отпустить ее одну...

Спеченская. (*Глядя в упор на Вирязева).* А с *madame* Ами? Вы говорите, она удивительная воспитательница...

Вирязев. (*Выдергивая пальку Спеченской).* Да... Если дочь будет настаивать, придется отправить ее именно с *madame* Ами... (*Малая пауза)* я боюсь за дочь... Вам, конечно, известно, какой большой процент курсисток из девиц, окончивших вашу гимназию, попадает в списки департамента полиции?..

Спеченская. (*Смокойно*). Да мне известно.

Вирязев. Полковник Гречишев уже не раз обращал мое внимание на это обстоятельство...

Спеченская. (*Так-же*). И мое...

Вирязев. (*Ветасая*). Простите, что я побезшоконя вас...

Спеченская. (*Ветасая*). Раз дело касается Лели, я всегда к вашим услугам... Поцелуйте ее за меня. До свидания...

Вирязев. Мое почтенье... (*Правствует и ножищает, но не цепляет руку. И не провожает Спеченскую*).

Спеченская выходит в приемную, говорят вполголоса несколько слов Репьеву и, на ходу кивая головой знакомым, уходит в прихожую.

Репьев приглашает к губернатору Кипарисова.

Кипарисов. поправляя волосы и откашливаясь, входит в кабинет.

Вирязев. (*Встает и подходит под благословение*). Здравствуйте, отец Василий.

Кипарисов. Мое глубочайшее почтение, ваше пр-во. Как изволите поживать? Как драгоценное здоровье ваше?

Вирязев. (*Сидя в приглашеная гости Кипарисова*). Вашиими молитвами, батюшка.

Кипарисов. Рад служить, ваше пр-во. Счастлив... И поладен, что изволили вспомнить о смиренном перее... Что изволите приказать?

Вирязев. Не приказывать хочу, Василий Ильич, - просять... Дело есть. Интимное. Семейное...

Кипарисов. Наша область. Неотъемлемая. Врученная нам самим Господом Богом. Слушаю, ваше пр-во...

Вирязев. Вы, батюшка, законоучитель и духовный отец моей дочери...

Кипарисов. Имею это счастье. Имею... А посему — светлый ум и чистая душа Елены Александровны мне открыты. И ведомы...

Вирязев. Быть может, вы уже слышали и о том, что она намерена поступить на высшие курсы?

Кипарисов. Слышал, ваше пр-во. И простите—не одобряю...

Вирязев. Да?.. Ну, я так рад, что именно в вас нашел единомышленника.

Кипарисов. Не одобряю... На подобный шаг своеувременно не благословил и собственную дочь... Мало того. Желая ей добра, поставил и многочисленные препоны. До лишения материальных средств включительно... Ваше пр-во! Нормальный жизненный путь девицы предуказан ей самим Господом Богом. Всякой девицы. А тем паче дочери вдъмажи...

Вирязев. Ясно! Ясно, отец Василий. Ясно!.. И вот, в этом моя просьба. Вразумите и ее. Как свою дочь...

Кипарисов. Долгом почту, ваше пр-во. Поговорю. Обстоятельно. И—доказательство...

Вирязев. А я буду вам очень, очень благодарен... И о ней думаю, и, каюсь,—о себе... Бросить сейчас службу я не могу. На кого я оставлю губернию? На кого?!

Кипарисов. Храни вас Бог, ваше пр-во! Вся губерния почтет себя неутешной вдовицей. И восплачет!..

Вирязев. Пустить девочку одну?

Кипарисов. Молода... Очень молода, ваше пр-во. Молода и неопытна...

Вирязев. Отправить с т-ще Ами?..

Кипарисов. (*Ириной*). Конечно, они особы достойная, интеллигентная... Однако же — не мать. Не сродственница. Все-таки, они, так сказать, персона наемная...

Вирязев. Притом и сама она так молода!..

Кипарисов. В этом главная суть, ваше пр-во... А в столице толпа. В толпе же и соблазн, и зараза... Будьте совершенно покойны, ваше пр-во. Поговорю. И, е Божьей помощью, думаю, поговорю успешно. Думаю...

Вирязев. Очень меня обяжете, отец Василий... (*Матильда*). А что ваш „владыко“? По-прежнему, обижает вас?

Кипарисов. Обижает... Злобствует... Пред святой пасхой снова линия очередной награды. А за что? Есведомо!..

Вирязев. Это мы вернем. Шепну кой-кому. И мы поставим вашу награду „на очередь” к Рождеству...

Кипарисов. Порадуйте престарелого иеряя, ваше пр-во. Очень порадуете...

Вирязев. И получите... Или по ведомству императрицы Марии, или по-тюремному... Нет! В этом ему со мной воевать трудновато. В его пухленькой ручке одно ведомство, а в наших твердых руках, в сущности, все... Вы мне только напомните в-время. И попадете в наши списочки... И с моей особой пометочкой...

Кипарисов. Слушаю-с... слушаю-с... (*Веселая*). И от всей души благодарю ваше пр-во. (*Смеясь*). Желаю здравствовать.

Вирязев. (*Приветствует и, положив Кипарисову руку*). Будьте здоровы, отец Василий. Спасибо... До свиданья... (*Удаляется и принимается за пакеты с немецкой почтой*).

Кипарисов. Выходит в приемную и, направляясь к приложению, кланяется направо и налево.

Удалцов входит в приемную из внутренних комнат и спаскаивается с Кипарисовым.

Кипарисов. (*Удалцову вложила подпись*). А ты, на ходу, между службой, и к Аминке забегаешь?...

Удалцов. А тебе завидно?.. Да, брат, бабец... Если-б она была компаньонкой не у его пр-ва...

Кипарисов. (*Подмигивая*). У дочери его пр-ва...

Удалцов. То-то... У дочери... Отбил-бы!. Клянусь честью, отбил-бы... А сейчас я заходил по делу... На днях соружаем пикничек. По первому рязряду...

Кипарисов. (*Поглядывая вороту*). Тэк... Стало быть, запишут наше именитое купечество?..

Удалцов. Пищи—не пищи, а заготовляй!. Жаль, батя, пикничек будет на воздухах. На народе... И тебе быть „нет-вместно”.

Кипарисов. А жалеешь иеряя, так пришли ему елея бутылочку другую на дом!. (*Смеясь и продолжая разговор, уходит в прихожую*).

Вирязев. вскрыв за это время два пакета петербургской почты и равнодушно пробежав извлеченныя из них бумаги, вскрывает третий. Эту бумагу читает внимательно и, насторожившись. С фонарём бросает ее на стол; но, немедленно схватив оптику, читает вторично. Задумывается и, после мгнов паузы, нажимает кнопку звонка на правой стороне стола.

Репьев входит в кабинет.

Вирязев. Народу много?

Репьев. Восемь человек. Теперь пускать по очереди?

Вирязев. Никого не пускать! Ни по очереди, ни без очереди... Скажите, что сегодня приема не будет. Завтра... А сейчас позвоните к этому... к Цуккеру. Скажите ему, чтобы приехал. Немедленно. И, когда приедет, доложите... А больше никого.

Репьев. (Выходит в приемную). Господа. Губернатор извиняется. Сегодня он очень занят и не может вас принять. Пресвит пожаловать завтра... (Выходит в телефонную будку и говорит по телефону. Выходит, садится к столу и разбирает бумаги).

Простите и уходите в прихожую, молча, без единого промсеста: некоторые торопливо, другие— медленно и задумчиво.

Вирязев. пробежав еще раз изволившую его бумагу, встает и, нервничая, ходит по кабинету. Нажимает кнопку звонка на левом конце стола.

Арсений. (Выходит из гостиной). Изволили звонить, ваше пр-во?

Вирязев. Полицеймейстер еще здесь?

Арсений. Сейчас уехали.

Вирязев. Попроси госпожу Ами. Скажи, чтобы пришла.. составить список гостей. На никник... О котором ей говорил сейчас полицеймейстер...

Арсений. Слушаю, ваше пр-во. (Уходит в гостиную).

Вирязев садится за стол ~~чтобы~~ и, ~~чтобы~~ вскрывая пакеты столичной почты, бегло ~~и~~ рассматривает бумаги, делая на них короткие пометки.

А м и. (*Входит из гостиной и затворяется за собою дверь*). Пикник?..

В и р я з е в. Ах, сёде амие! Какой—пикник!. Это для Арсения—пикник... (*Нагибаясь бумагой*). Вы посмотрите!.. Поглядите что я получил! Двадцать пять тысяч. (*Счастлив*). Аэро-деньги!. Диябль!..

А м и подходит к нему и, бурно застеснявшись, говорит телефон.

В и р я з е в. (*Целует ее лицо*). Милая!.. Так досадно... Опять все отдаляется, отдаляется...

А м и. Успокойтесь, Саша. Вам вредно волноваться.. Читайте. В чем дело?

В и р я з е в. (*Хватает бумагу и читает с раздражением*) „Доверительно. Совершенно секретно. В собственные руки.. На отношение ваше от 12 мая за №.. имею честь уведомить ваше пр-во, что еврей Вульф Мордухович Цуккер не может жить в пределах управляемой вами губернии.. С совершенным почтением и преданностью... чорт бы его побрал! директор департамента полиции... Vous comprenez?.. Ты понимаешь? Не может жить... Диябль!. Нет..

А м и. Не волнуйтесь. Вредно... Покажите бумагу..

В и р я з е в. Да что же тут?!. Черным по белому!. (*Передает ей бумагу*).

А м и. (*Прочитав бумагу*). Дайте мне карандаш..

В и р я з е в. Карандаш?.. Зачем?

А м и. Чтобы не было черного. И осталось одно белое...

В и р я з е в. (*Передавая карандаш*). Не понимаю...

А м и. (*Сделав на бумаге маленькую пометку карандашем, возвращает бумагу Вирязеву*). Прочтите эту бумагу теперь... Всех, Саша... Громко..

В и р я з е в. (*Читает*) „На отношение ваше... (Борющем про себя пропуск) имею честь уведомить ваше пр-во, что еврей Вульф Мордухович Цуккер может жить в пределах управляемой вами губернии“ ..

А м и. Очень просто!

Вирязев. Что — просто?.. Что же из того, что ты зачеркнула карандашом не?

Ами. Это сделано на-черно. И необходимо сделать на-белое.

Вирязев. Подлог?..

Ами. Его сделаете не вы.

Вирязев. Кто-же?

Ами. (*Налицем указывает на себя*). Для этого у меня есть поразительный кристалик. Загородный... (*Малая наука*). Однако,—к делу... На бумаге написано: „доверительно, совершию секретно и в собственные руки“... Совершенно секретно доверьте ее в мои собственные руки. На три минуты. Потом покажите ее только заинтересованному лицу. Для учета 25 тысяч. И затем, уж никому не доверяя и соблюдая совершеннейший секрет, оставьте ее в собственных ваших руках. В собственном вашем архиве...

Вирязев. Ами!..

Ами *зажимая ему рот, подсматривает пальцы*.

Вирязев *целует пальцы*.

Ами. Слушайтесь Ами. И тем скорее все наши планы исполняются... (*Берет со стола бумагу и уходит в кабинет*).

Вирязев *сидит некоторое время, глубоко задумавшись и покуривая*.

Хохревы отец и сын *входят из прихожей в приемную*.

Моргун *входит и ходит обратно*.

Хохрев-отец. (*Сын*). Он же тебе толком говорит. Приема нет...

Хохрев-сын. Нет, папаша. А ежели есть протекция,— будет и прием... У вас же тут протекция огромная... (*Тычет себя в грудь*). Муя!.. Сын служит чиновником особ поручений при губернаторе и клянется святым духом, что губернатор примет отца... Ха! Ловко сказано?.. Вот, дежурный камрад и поспособствует... Бонжур, Алексей Николаич!..

Хохрев-отец. (*Здороваясь с Репьевым*). Будьте так добры, господин Репьев...

Репьев. Не могу. Губернатор просил всех завтра.

Хохрев-отец. (Умну). Ну? Слышишь?..

Хохрев-сын. Слыши папаша... Только иное дело все, а иное—родитель чиновника особ поручений при губернаторе и коммерсант 1-й гильдии Степан Никитич Хохрев... И ежели камрад поспособствовать не желает, беру ответственность на себя... (Оглянувшись). Где человек с медалями?.. (Идет в прихожую).

Ами. (Входит в кабинет из гостиной, с бумагой, и кладет ее на стол). Абсенти... (Быстро уходит в гостиную).

Вирязев, взглянув на бумагу и посмотрев ее на свет, прятает ее в ящик стола, встает и ходит по кабинету.

Хохрев-сын и Моргун входят в приемную из прихожей.

Хохрев-сын. (Моргуну). И доложи его пр-ву, что их желает видеть купец 1-ой гильдии Хохрев. По неотложнейшему делу... Понял, полупочтенный?

Моргун. Слушаю, ваше высокоблагородие! (Подходит к двери в кабинет и тихо и осторожно постукивает в дверь. Потом у Вирязева слышит стук не сразу).

Хохрев-сын. (Отцу). Слыхали, папаша?.. Вы, по-прежнему, только „ваше степенство“. А муха ваша мы, да сме со, да еще ко, да бла, да то, да ро и под конец —дис!..

Хохрев-отец. Михайло! Угомонись ты хоть в сурбе-ном месте!..

Хохрев-сын. Важно кушанье!..

Вирязев. (Отвечая яз стук Моргуну). Войдите...

Моргун. (Войдя в кабинет). Купец 1-ой гильдии Хохрев желает видеть ваше пр-во. По самонужнейшему делу...

Вирязев. Я же сказал, чтобы... Впрочем, Хохрева проси.

Моргун. (Распахнув дверь, Хохреву-отцу). Пожалуйте!..

Хохрев-сын. Что?.. Чья взяла?.. Хал.. (Приводя отца до двери, вполголоса). Все помните, папаша?.. И помоги вам архангел Михаил. Тела моего хранитель и души спаситель.

Хохрев-отец. (На лбу). Отстань, Михайло. Мысли мои путаешь... (Оправляетя у двери в кабинет).

Хохрев-сын. (*Маруну, давая лгуну*). Фараон!. Нако-ся. Пур-буар. За наше санте..

Моргун берет ёнъи и уходит в прихожую.

Хохрев-отец. (*Выходя в кабинет*). Честь имеем кланяться, ваше пр-во..

Вирязев. (*Протягивая руку*). Здравствуйте, Степан Никитич, здравствуйте. Садитесь.

Хохрев-отец. Извините нас за беспокойство..

Вирязев. Пожалуйста... Что скажете?

Хохрев-отец. Опять с просыбцией, ваше пр-во.. Наше такое дело просить... И опять же за сына. За Михайлу.

Вирязев. Друг мой... Но он уже служит у меня..

Хохрев-отец. Так точно, ваше пр-во. Служит. И за это мы вам вечно благодарны... А теперь хлоочем насчет.. придворного звания..

Вирязев. (*Пзущен*) Придворного?.. Как придворного?..

Хохрев-отец. Так точно. Просим вашу милость. Представьте Михайлу, чтобы его заделали камыр-юнкрем.. Охота малому. И нам бы со старухой лестно.. Сынок-то единственный...

Вирязев. (*Мгновенно косочно изобразив, пасхи маткой наузы*). Степан Никитич. Ведь двор в Петербурге. И все камер-юнкеры там. При дворе..

Хохрев-отец. Я ему и сам этот резонт приводил. ваше пр-во. Михайле. А он кивает на господина вице-губернатора. Вот-же, говорит—живет тут. И в форму в золоченую наряжается. И в собор. и при других торжествах ..

Вирязев. Конечно... Исключения бывают... Иногда их отпускают. Послужить в провинции. Но... ваш Михайло... Он даже не говорит по французски..

Хохрев-отец. Учится, ваше пр-во. Учится!.. И с хранцузом учится, и с храндузинкой... С хранцузом раз в неделю. А с храндузинкой три... И заметьте, ваше пр-во. При каждом подходящем случае обязательно сболтнет слово - другое по хранцузскому. Обязательно!.. Как-же, ваше пр-во. Болтаст! И даже слабодио зачиняет болтать...

Вирязев. Хорошо... Я полулю Степан Никитич... То есть, напишу кое-кому. В Петербург... Ведь, вы понимаете? Это же зависит не от меня лично. А написать я напишу...

Хохрев-отец. Будьте милостивы, ваше пр-во... Утешите... Парню 24-ый год пошел, а как ребенок малый... И на что только не кидался... На велосипеде призы брал, на лыжах бегал, на кулачках дрался, весь в синяках ходил от всяких этих состязаний. Петь учился, на фортепьянах бренчал... А от родительского дела давно отбился... Теперь попал по вашей дороге. По служебной. Так уж надо его по ей вести. И сколь возможно выше...

Вирязев. Уж конечно... Вести, так вести. Чтобы, в конце концов, он был, как я. Губернатором...

Хохрев-отец. Именно, ваше пр-во. А на счет каюто-ма и всего прочего вы будьте спокойны, ваше пр-во. В грязь лицом не вдарим... И, ежели Господь сподобит его заделаться этим самым камыром... Тифул.. Вот, и забыл...

Вирязев. Камертоникером...

Хохрев-отец. Юнкырем, юнкырем!.. Мы ему и камзол во всех местах золотом расшипим... Хоть себе червонным... И все прочее справим...

Вирязев. Я знаю... Вы для сыника ничего не пожалеете... А?.. Ничего?..

Хохрев-отец. Ничего не пожалеем, ваше пр-во. Ничего!.. И еще просыпичка имеется, ваше пр-во...

Вирязев. Есть—еще?..

Хохрев-отец. Есть. Чтобы, значит, не утруждать вторично...

Вирязев. Слушаю, Степан Никитич. Выкладывайте...

Хохрев-отец. На прошедшой неделе подвернулось нам очень выгодное дельце. Большие барыши мы с него взяли... И появилось у нас, со старухой, желание... Чтобы, значит, на благотворение, на бедноту... Или на тюремные замки... А може и на школы вручить вашему пр-ву... Лично... И на ваше усмотрение... На пользу отечества и общества...

Вирязев. Понимаю. Я понимаю... Излишок от ваших барышей? Так?

Хохрев-отец. Так точно, ваше пр-во. Так точно. Излишок...

Вирязев. Прекрасно. Я передам... Нужда огромная. И в городе, и в губернии.

Хохрев-отец. И притом, очень мы просим, ваше пр-во, чтобы, значит, никакой благодарственной бумажки нам не присыпать... И чтобы никаких, как это говорится, следов. Видимости... Потому, как мы есть православные христиане, то желаем творить добро келейно...

Вирязев. Так-так. По Евангелию?.. Чтобы левая рука не знала, что дает правая?

Хохрев-отец. (*Правой рукой передает пакет, а левой прячет под стол*). Чтоб не знала, ваше пр-во... Чтобы не знала...

Вирязев. (*Принимая пакет и небрежно бросая его на стол*). Похвально... Передам... И устно благодарю вас теперь же от лица нашей бедноты... И от арестантов...

Хохрев-отец. (*Обличенно вздыхнув*). Рады служить, ваше пр-во... (*Вспахает*). И желаем доброго здоровья...

Вирязев. До свидания, Степан Никитич. (*Прощавает руку*). А по вашему делу я напишу сегодня-же. Хотя предупреждаю еще раз. За успех этого дела ручаться я не могу... Но все может быть... Все может быть...

Хохрев-отец. А уж там, конечно, как Господь Бог, ваше пр-во... Во всем его святая воля... Во всем... (*Уходит в приемную*).

Вирязев *сидит за столом и считывает деньги*.

Хохрев-отец и сын *встречиваются в приемной, угощают и приставляют кипящую разговорившая виноградом*.

Ами. (*Прашающая фавор из гостиной*). Деньги?.. Он был уже?..

Вирязев. (*Доставляя деньги*). Нет!. Нет!. Не он... Это другой... Подожди... Сию минуту... (*Чечетка*). 25!.. Ами. Беги скорей. Целуй меня. И забирай эти деньги... Совершенно

неожиданные!.. Забирай... Спрячь... Ну, разве это „вымогательство“?.. Сами несут, идиоты! Сами!..

А м и крепко, несколько раз целует Вирязева и берет пакет с деньгами.

Вирязев. Сто — уже за границей... Тут 25. 25 привезет сейчас Цуккер... 50... Еще — 50, и — будет 200!.. И тогда... Службу к черту, Лелю — на курсы, а мы... В Швейцарию! В Италию!.. И — в Париж. В Париж!..

А м и. Постой! Постой!.. А за что эти деньги?.. И от кого?

Вирязев. От идиотов!.. (*Смеется*). От идиотов!.. Старик Хохрев приезжал просить, чтобы я „заделал“ его Михайлу „камыр-юнкырем“!.. (*Хохрев*).

А м и. Что-о?!

Вирязев. Да-а!.. Ты представляешь себе Мишкино рыло — в трехуголке?.. И в мундире камер-юнкера?.. А?.. (*Смеется*). Нет, этот визит я расскажу тебе подробно!. Ну, вот... А ждать, добрый старик завез „на благотворительность“ 250 портретов матушки-Екатерины...

А м и. Саша... Но устроить это дело — уже немыслимо...

Вирязев. Я полагаю!.. Здесь царь — я. А там, всетаки, — Николай... И, я думаю, довольно того, что за такие-же 250 портретов я „заделал“ Михайлу „камыр-юнкырем“... При себе?!. И то, ежеминутно приходится краснеть... О, идиоты, идиоты!.. (*Целуя Ами*). Иди, моя радость... Потом я расскажу. Все. Поробно...

А м и. (*Удаляясь в гостиную*. Ичесаю... И желаю успеха и дальше... (*Скрывается*)).

Вирязев *просматривает последние пакеты* петербургской почты уже весело.

Цуккер. (*Входит из прихожей в приемную, почтенный к Репьеву*). Здравствуйте, господин Репьев... Вот я себе явился...

Репьев. Здравствуйте... Скажите, господин Цуккер. Вы знаете — зачем вас вызывают?..

Цуккер. Ах, господин Репьев!.. Какой „жид“ знает —
зачем вызывает его губернатор?.. Но, может быть, я уже догадываюсь...

Репьев. Догадываетесь?

Цуккер. Ну-да... Я думаю, мне хотят объявить, что я живу много лет в нашем городе, а потому не имею на это права...

Репьев. Почему же вы думаете, что вас хотят лишить этого права?..

Цуккер. Ну, этого я уже не думаю. Потому что это я уже знаю... Третьего дня я уже имел об этом телеграмму. Из Петербурга. От своего родственника... Он получил уже эту справку...

Репьев. Где?

Цуккер. Ну, где же могут дать такую справку?.. В департаменте полиции...

Репьев. Там дают справки по секретным делам?

Цуккер. Другому я этого не скажу, господин Репьев. Но нас я знаю, и вам я скажу... Дают, если чтошибуль даете и вы... Мой родственник дал что-нибудь, — и ему тоже дали... Ах, господин Репьев! Всякий торгует тем, что он имеет... Но, Боже мой, Боже мой! Я же теперь совершенно раззорен... Но, кому до этого дела, что какой-то Цуккер разорен?.. Никому!.. В мире столько нищих. И одним нищим больше, — что от этого случится?.. Ничего!..

Репьев. Сейчас я скажу о вас.

Цуккер. Да, прошу вас, скажите... Потому что необходимо сказать...

Репьев *встучит в дверь кабинета.*

Вирязев. Войдите...

Репьев. *(Входит). Господин Цуккер приехал.*

Вирязев. Просите... И возьмите эти бумаги. Я пометил... *(Передает Репьеву пачку бумаг петербургской почты).* Одну я оставил у себя. Она мне... Лично...

Репьев. *(Взяв бумаги, выходит в приемную. Цуккеру).* Пройдите... *(Сидит и очень внимательно рассматривает по-*

зученные от Вирязева бумаги, справляясь во вгодящем журнале о том, откуда поступила бумага, не возвращенная ему Вирязевым).

Цуккер. (Войдя в кабинет и уединенно кланяясь). Я имею счастье раскланяться, ваше пр-во...

Вирязев. (Не подавая руки). Здравствуйте... Ну-с, поздравляю вас.

Цуккер. Благодарю вас, ваше пр-во... Но я не знаю с чем вы меня поздравляете...

Вирязев. Как - с чем?.. (Берет бумагу и показывает Цуккеру). Эта бумага секретная. Но вам, как лицу заинтересованному, я обязан ее показать. Читайте... (Протягивает бумагу, не вынимая из рук).

Цуккер читает с натянутым изумлением.

Вирязев. Прочли?

Цуккер. (Радостно). Да, я прочел, ваше пр-во!.. Но, а же ничего не понимаю... Значит, я не раззорен?.. Но я же думал себе, что все случится совсем наоборот, ваше пр-во!..

Вирязев. Почему? Ведь я вам обещал...

Цуккер. Ну, я же не знаю почему!.. Я себе думаю, из моей трусости. Просто — из моей трусости... Ваше пр-во!.. Разве еврей знает почему, и что, и когда с ним случится?.. (Достыает из кармана пиджака и робко кладет его на стол). Он же никогда этого не знает... Он этого не знает сейчас... Не знает завтра... Не знает послезавтра...

Вирязев. Нет. Вы можете спать теперь совершенно спокойно...

Цуккер. О!.. Так я побегу заснуть... Ах, ваше пр-во!.. Я уже так давно не спал совершенно спокойно... Позвольте вам раскланяться, ваше пр-во!.. (Кланяется).

Вирязев. До свиданья... (Кидает листок, не пронигнивши руки).

Цуккер. (Выскакивая в приемную. Репьев — в будкой речи). Я же ничего не понимаю, господин Репьев!.. Все случилось наоборот!.. Как раз наоборот!..

Репьев. Тот есть, как наоборот?..

Цуккер. Совсем наоборот, господин Реньев!. Я имею право жительства в нашем городе!. И я не разорен!. Но, скажите-же—что это такое?.. Они торгуют в департаменте полиции как дураки... Совсем как дураки!. Если бы они дали моему родственнику эту справку, мой родственник дал-бы им гораздо больше денег!. Они торгуют как дураки... Как дети!..

Репьев. Вы читали бумагу сами?..

Цуккер. Ну, в том-то и дело, что читал?.. Его право собственоручно держали бумагу, а я ее собственоручно читал!. О-о!. До свиданья, господин Реньев!. (Быстро уходит в прихожую).

Вирязев. (*Считает деньги, кладет их в боковой карман и, приложив ладонь в приемную, Репьеву*). Вы свободны. Я иду завтракать... (*Берет бумагу у Цуккера и запирает ее в ящик письменного стола*).

Ами. (*Входит из гостиной*). И этот привез?..

Вирязев. (*Вынимая из кармана пакет и бросая его на стол*). Всё!.. Этот привез портретами Большого Петра... Новенькими. Чистенькими... Выручают августейшие предки!.. Сосчитай и спрячь эти... Ами!. Сегодня очень, очень счастливый день!.. 50 тысяч в полчаса!..

Ами считает деньги.

Вирязев стоит около нее и считает.

Репьев. собрав бумаги, идет к прихожей.

Леля. (*Входит из прихожей и спрашивает у него*). Господин чиновник особых поручений, Алеша! Доложите обо мне губернатору...!

Репьев. (*Весело и радостно*). Госпожа Леля! Прием кончен...

Леля. (*Оглядываясь*). И никого нет?.. Ни в приемной, ни у губернатора?..

Репьев. Никого...

Леля. Значит, я могу вас поделовать! Наскоро... (*Нескруто*). А вы — меня.

Репьев. (*Целует ее*). А теперь мы — друг друга...

Леля. И до свиданья до вечера, в саду... (Целуетя и, прелко пожав друг другу руки, расходятся. Он уходит в прихожую, она — по приемной к кабинету. Сразу отворив дверь). Ваше пр-во!.. Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой. Разрешите подавать завтрак. Я очень голодна!..

Вирязев и Ами, *занычание фразы несколько смущено.*
Ами отходит от стола.

Вирязев. Леля!.. Всегда надо постучаться...

Леля. Но Репьев сказал, что у вас никого нет...

Вирязев. Да... Но... На всякий случай...»

Леля. (*Шутливо*). Виновата! Извиняюсь... Боже, сколько у вас денег!..

Вирязев. К сожалению, мой друг, это на бедных...

Леля. На бедных, и к „сожалению“?.. Не понимаю...»

Вирязев *скребает деньги в ящик письменного стола.*
Затем *быстро опускается*.

Конец Его действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Живописное место на берегу Волги, против щебернского города, который виден на другом берегу. Площадка, застесшая травой и окруженная деревьями и кустами. Налево — дорожка на берег Волги; прямо, в глубине сцены, дорожка в лес.

Лето. Первая половина действия вечером, до захода солнца: постепенный переход к сумеркам; конец действия при лунном свете.

На траве и под деревьями расставлены столы, табуретки и скамейки и разосланны ковры. На коврах и на столах — самовары, посуда, бутылки, закуски, фрукты.

Кроме основных действующих лиц, во время действия группами и по-двое, приходят на сцену и уходят закулисны, прогуливаются, садятся, селят и пьют приглашенные на пикник гости: дамы и девицы, статские и военные молодые и пожилые люди; снуют полицейские чины; изредка, по одному и по-двое, проходят солдаты-музыканты; служат лакеи во фраках.

Когда занавес пошел, за сценой, в необходиимом отдалении, чтобы не заглушать разговоров, веселая музыка играет кадриль; затем, после перерыва, вальс.

Виряев, Удальцов и Хохревы — отец и сын — стоят на сцене-шансе.

Полицейские чины разных степеней торчат и снуют в глубине сцены, за кустами и деревьями, и зорко следят за движением начальства.

Виряев. Пикник удаленный... Кажется, всем весело.

Удальцов. Очень весело, ваше пр-во. Решительно — всем...

Виряев. (*Прислушиваюсь*). Это... кадриль?

Удальцов. Кадриль, ваше пр-во. Началась. Вторая.

Визирев. (*Хохреву-сыну*). А вы, что же не танцуете, молодой человек?

Хохрев-сын. Упред, ваше пр-во!.. В прошедшей кадре-ли я такое разделывал,—земля трясась. Не видели?.. И — упред. Сорочку хоть выжми. Решил передышку сделать. Но-тому — тре фатиге!..

Вирязев. Ну, ну... Отдыхайте. Остывайте. . (*Удальцову*). Пойдем, друг мой... Посмотрим на тех, кто еще не „фатиге“. И...не „упред“...

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во... Пожалуйте... (*Дви-гается вправо: Вирязев впереди, Удальцов за ним — в полуправо*).

Полицейские чины, следя за начальством, тоже движутся вправо, держась по прежнему в кулаке и за деревьями.

Гимназист (*Ошеломлен и вертется от шинцев, выбегает из за кущи справа обмахивая платком лицо, и ничего не видит собой не видя, налетает на Вирязева*). Пить!.. Человеки!.. Ради Бога, пить!.. Чего нибудь пить!..

Вирязев пятится назад.

Удальцов бросается к гимназисту и отбрасывает его в глубину сцены в сторону полицейских чинов.

Полицейские чины успокаиваются вперед, приближают гимназиста от Удальцова и блокируют его, ничего же сопротивляющегося в кущах и за кущами.

Удальцов. Извините, ваше пр-во! Затанцевался, юноша...

Вирязев. Очевидно, тоже из „упревших“... (*Двигается с Удальцовым и полицейскими чинами дальше*).

Рябов входит справа и встречается с Вирязевым и Удальцовым.

Вирязев. А, доктор!.. Спаситель живота нашего... Здравствуйте... (*Приостанавливается и промягчает руки*).

Удальцов и полицейские чины приостанавливаются.

Рябов. Честь имею кланяться, ваше пр-во!... (*Нижняя рука, кланяется низко и подобострастно*).

Вирязев. Как живется? Новым местом довольны? (*Дви-гается дальше*).

Удальцов и полицейские чины движущиеся ли
ни.и.

Рябов (*Тоже движется за Вирязевыми*). Всю жизнь буду
молить Бога за ваше право...

Вирязев, Удальцов, Рябов и полицейские
чины скрываются за шторами, направо.

Хокрев-сын. Знаете, папаша, за что этот доктор буд-
дет всю жизнь молить Бога?

Хокрев-отец. Ну?

Хокрев-сын. За то, что у его пр-ва во время забо-
лед живот' Ха!...

Хокрев-отец. Михайло!.. Не кощунствуй...

Хокрев-сын. Ей Богу!.. Вылечил. В уезде... Во время
ревизии... И за это был перемещен из уездной больницы в
губернскую тюрьму... Да, папаша! И вонюду протекция.—и боль-
ше никаких!.. Скажите примерно, почему вы нонче здесь? На
паратном никнике?.. Прежде вас недопускали. Даже и на мил-
лионы, на ваши, плевали? А теперь—милости просим! Почему?...
Протекция завелась. Муа!..

Хокрев-отец. Дешги. Михайло... Дешги—все...

Хокрев-сын. А то-ли еще будет, когда я буду камер-
юнкером? Ха!.. в тех-то штанах в белых я вас и во дворец
проводу. Антре!..

Хокрев-отец. А ну, его дворец! Чего я там не видал...

Хокрев-сын. Именно то и увидите, чего не видывали...
А ежели еще и со свадьбой мое дело выгорит...

Хокрев-отец. Со свадьбой дело без свахи не выгорит'
Немысленно такое дело без свахи... А кого пошлешь? Нану,
простецкую, в такой сурьезный дом не направишь. Осрамится.
И нас осрамит...

Хокрев-сын. (*После паузы—внезапно*). Труве'...

Хокрев-отец. (*Неподели*). Эка труба пароходная!...
Чего ты?...

Хокрев-сын. Нашел!... Сваху нашел!... Внезапно!... Ей-
же-ей,—нашел!...

Хокрев-отец. Нашел?... Кого такую?

Хохрев-сын. Самую подходящую!.. И к ним прибилась, и от нас не ушла. И богу свечка, и черту кочерга... Слушайте!.. Сию минуту я ее приволоку. Сюда. И теперь чтобы—аля минут—готово!.. Будет откладывать. А то дождемся, что какой нибудь хахаль вырвет невесту из под самого носа.

Хохрев-отец. Да кто, сваха-то?..

Хохрев-сын. Кто?.. Ха!.. Удальчиха! Аграфена Ниловна...

Хохрев-отец. Это правильно.. Это знаешь, дама подходящая...

Хохрев-сын. Сан-дут!.. И я говорю:—наполовину дама, наполовину —баба. В рыбной лавке родилась, а за полковником замужем. Да еще за полицеймейстером!..

Хохрев-отец. А к тому же и нам, Хохревым, хотя издали, а сродни...

Хохрев-сын. Ха-ха! Этакая мысль самому Наполеону не сразу влетит в башку... Ай, да я!.. Эта мадам-баба обстряпывает наше дело ком-иль-фо... Сидите тут, папаша. Я ее в минуту предоставлю... Она на тазцы глазеет... (*Убегая направо*). А вы прикажите подать винца. И пригответесь — как и что говорить. Чтобы покорче. А то помешают эти... Которые не знающие... (*Скрывается*).

Хохрев-отец. (*Стучит по столу*). Эй!.. Кто есть? Услыхающий!..

Лакей *пообещает*.

Хохрев-отец. Дай-ка мил человек, бутылочку винца. И три чистых стаканчика.

Лакей. Какого прикажете, Степан Никитич?

Хохрев-отец. А которое, знаешь, понежнее. Послабже. Чтобы — дамское... Икемчику. Или Сатеринцу.

Лакей. Слушаю-с, Степан Никитич... (*Убегает за кулисы. Принесет на подносе бутылку и три стакана, ставит на стол и, поклонив Хохреву языком на бутылке, быстро откупоривает бутылку и убегает*).

Хохрев-сын и Удальчова входят с правой стороны.

Хохрев-сын. Сюда, тетенька... пожалуйте, сюда...

Удальцова. Лестно мне, племянничек, что ты меня тетенькой величаешь. Только никогда этого не бывало. И не понимаю я—в чем тут секрет?..

Хохрев-сын. А мне, тетенька, папаша припомнил... Будто мы нам, Хохревым, сродни...

Удальцова. Это вы, миллионщики, чванитесь. А я никогда и не отказывалась. Точно. Сродни...

Хохрев-сын. Так, вот, и присядьте. Около папаши... Же ву при... (*Наливай вино*). Как водится, дело начиняя, хлопыстнем винца по стаканчику и... И прислушайтесь — какое вам папаша предпишет поручение...

Удальцова *сидится* и все трое *пьют вино-молоти*, *медленно и до дна*.

Хохрев-сын. И знайте, тетенька! Ежели вы это поручение успешно обварганите,—какие бы у вас расходы ни случились, — возместим. Все... А вам лично я такие — серьги — и с такими бриллиантищами поднесу... Уши оттянут!. . Хах..

Удальцова. Наобещал много. А натрецдал и того больше. А в чем самое дело, я пока не знаю...

Хохрев-сын. Потому что я, тетенька в волнении... Но папаша в спокойном состоянии. И теперь слушайте, что он *продекламирует*...

Удальцова. Слушаю...

Хохрев-отец. Дело простое, Аграфена Ниловна. Житейское... Задумал Михайло жениться...

Хохрев-сын. Потому—влюблен. Амурел..

Хохрев-отец. Только избранная им девица не по купечеству. И вот, мы не знаем— как к этому делу подойти... В каждом месте, понимаете, — свои обычаи...

Удальцова. Значит, милые, вы меня в снахи приглашаете?..

Хохрев-сын. Угадали, тетенька!. . Компри а ля минют... Первым делом, объявите ей от меня, что я влюблен. Амурел..

Удальцова. (*Хохреву-отцу*). А от нас, Степан Би китти?..

Хохрев-отец. А от меня, Аграфена Ниловна, заявитё что в день свадьбы будет ей предоставлен в собственность — как говорится на булавки — один миллион рублей. Наличными... Остальные же, все, которые в нашем владении, и вобче все наше движимое и недвижимое после смертного часа — ему. Михаиле. И — ихним деткам... Сын единственный. Сами знаете...

Удальцова. Знаю. Это я знаю... И теперь желаю знать милые, в каком доме я все это должна говорить...

Хохрев-отец. Дом сурьеный, Аграфена Ниловна...

Хохрев-сын. Да тетенька!.. Дом — очень комильфо!..

Удальцова. Ну, а по русски как это будет?

Хохрев-сын. Гу-бер-на-торский!..

Удальцова. Гу-бер-наторский?.. Дочке?..

Хохрев-сын. Эва, тетенька!.. Не Амишке-же!.. ха!..

Хохрев-отец. (*После малой паузы*). Что, Аграфена Ниловна? Думаете, случится поворот от ворот?

Удальцова. Нет, Степан Никитич. Этого я не думаю... Такого дома я еще не видывала, чтобы в него миллионов не приняли... Разве уж блаженные какие... Нет, этого не думаю... Потому будем говорить на прямки... Без миллионов ваш Михаило одного стонт. А с миллионами, ему цена — другая...

Хохрев-сын. Правильно, тетенька! Правильно!.. С миллионами да с протекцией я кем задумаю. тем и заделаюсь. Архиереем пожелаю быть, буду и архиереем... Митру — на голову. И все дамы меня в белу ручку чмок да чмок. Безе-за-безой!..

Хохрев-отец. Михайло!.. Не кощунствуй...

Хохрев-сын. (*Быть*). Важно кушанье!.. (*Чаплыгина*). И, стал-быть, тетелька, беретесь за эту дипломатию?

Удальцова. Возьмусь... Мне и в этом доме двери открыты...

Хохрев-отец. И как же вы полагаете, Аграфена Ниловна? Разговор поведете с самим? С губернатором?.. Доступен. Ежели от дела деньгами пахнет, очень он доступен.

Удальцова. Нет, милые. Подряд сдали, так уж не учите с какого угла кирпичи класть... Сама знаю, с кого это дело начинать...

Хохрев-сын. И нам не скажете?

Удальцова. Пока ничего больше не скажу, милые... А делать начну нынче же... Вот, муж идет. Перво-на-перво с ним поговорю. А вы идите, прогуляйтесь. Чтоб не мешать...

Хохрев-сын. Ну-ну, тетенька.. Ха! И люблю я этак. Сразу. Штурмом!.. Пойдемте, папаша... (*Уходит налево*). А уж серьги вам будут... На плечах повиснут... А блеск--фонари. Электрические... Огни!.. фе!.. (*Закрываются сын и отец*).

Удальцов. (*Появляясь справа*). Человек!..

Лакей вбегает.

Удальцов. Шампанского. Сухого. (*Подходит к Удальцову*). Даже в горле пересохло. Едва оторвался от своего папши... Н-да!.. Для всех пикник--праздник, а для меня и тут, и вечно--служба. Гляди в оба. Как пес на охоте. И через слово --"так точно, ваше пр-во!".. Надоело! Ах,--надоело... А попробуй уди в отставку. Завтра же скучно станет. Так станет скучно, что и не заметишь, как помрешь раньше времени...

Лакей приносит вино, ставит на стол и уходит.

Удальцов. (*Пьет первый стакан жадно, затем, и напивает второй. Нене*). А ты, что ж тут сидишь одна? Сычом..

Удальцова. Постарела, видно... Хотя и полицеймейстерина, а ни одна собака даже и на кадрено не приглашает. Вот,--и сижу...

Удальцов. Хочешь прикажу плясать приставу. Или надзирателю...

Удальцова. Да от тебя, кроме надсмешки, разве услышишь что...

Все танцующие (*Лежа с гр. Стебницким, Ами с Гречишцевым*), кончая шестую фигуру кадрили и держась за руки, быстро выбегают на сцену, справа, и, обежав сцену, скрываются направо--в кустах.

Удальцова. Павел Кириллович. Не слыхал-ли ты, часом.. Губернаторская дочка влюблена в кого, или нет?

Удальцов. (*Поливая вино*). А тебе это зачем?..

Удальцова. Один человек просил узнать...

Удальцов. А пусть этот человек сам и спросит. И не меня, а--ее. Тогда узнает наверняка... А мне она любовных тайн не поверяла.. Не по моему департаменту...

Удальцова. А как думаешь пойдет она за очень богатого человека?

Удальцов. Да ты что, матушка!.. В свахи записалась, что ли?

Удальцова. А хотя бы и так...

Удальцов. (*После молчаний паузы*). Вы, Аграфена Ниловна, как были всегда дурой, так дурой и к старости остались...

Удальцова. Сам дурак. А не дурак объясни, что тут такого глупого?.. Ты со мной тоже познакомился через сваху...

Удальцов. Я и говорю - дура... Я! С тобой!.. Ты дочь рыбного торговца. А она...

Удальцова. Не "торговца", а кутица. Кутица первой гильдии...

Удальцов. Который, все-таки, "торговал" рыбой...

Удальцова. И все, что он наторговал, ты про-свистал!..

Удальцов. Да! А потом "насвистал" вдвое больше... А она—дочь губернатора... И замолчи об этой ерунде... Амишка идет... С жандармом... (*Продолжают разговор вполголоса*).

Ами и Грешищев входят под руку с правой стороны и приостанавливаются на партере, слева от Удальцовых.

Ами. (*Облизывает пальцы*). Больше не подходи сегодня...

Грешищев. Хорошо...

Ами. Все события последних дней я тебе передала... О Цуккере, о камер-юнкере, о Репьеве... Все... Деньги—и те, и другие—у меня. Репиев повторяю, надо убрать немедленно. Он ее очень сбивает. Особенно с курсами... И это будет легко. Саша-папа не выносит его и сам... И будь здоров, милый. До свидания... Пойдем к ним... (*Подвигаются к Удальцовам*). Я очень устала, полковник. Посижу тут... А вы идите. Танцуйте. Я не мешаю...

Грешищев. (*Ножницышаев*). С вашего разрешения, пожалуйста. (*Ходят направо*).

Уда́льцо́в. (*Вскакивая и уступая место*). Пожалуйста... я горло промочил и бегу опять к его пр-ву... (*Уходит направо*).

Уда́льцо́в. (*Ами*) Присаживайтесь, мадмазель. присаживайтесь...

Ами. Мерси, Агафья Ниловна. Да, посижу с вами... Устал...

Уда́льцо́в. А я и рада, что таким случасм вы со мной на одну скамеечку попали. Потому, как раз, у меня к вам дело имеется...

Ами. Ко мне?.. Дело?.. Я такой маленький человек, Агафья Ниловна...

Уда́льцо́в. Э, мадмазель! Бывает, и маленькие люди большие дела делают... Дело. Большое дело... И, ежели вы его устроите, хорошие деньги на нем заработаете...

Ами. (*Насторожившись*). Деньги?.. Хорошие деньги?.. Теперь уж я ничего не понимаю... Ведь я ничем не торгую. За скромное жалованье жила сначала губернанткой, теперь — компаньонкой... Но, каюсь, вы меня заинтересовали. Какое дело?..

Уда́льцо́в. А будемте-ка говорить на прямки... Как вы думаете?.. Дочка губернатора пошла-бы замуж за молодого и красивого человека? Который в нее влюблен. Притом, единственный сын у родителей... У них же, у родителей, три дома в городе и два имения в уезде. Да миллионов шесть денег. И в делах, и наличными. Из которых один миллион — ей. На руки. В день свадьбы.

Ами. (*После малой паузы*). Он — купец?

Уда́льцо́в. Из купцов они. Только сам жених уже и чиновник.

Ами. Так... Агафья Ниловна. Повидимому, это дело очень серьезное. И надо поговорить подробно... (*Вскакивая*). Танцы сейчас кончаются. Придут сюда. И нам помешают. Пойдемте, походим по берегу. Там и поговорим...

Уда́льцо́в. Это вы правильно, мадмазель. Там свободнее... (*Вспыхивает*). Пойдемте...

Ами и Удалцовы, взявшись под руки, торопливо уходят налево.

Сумерки ощущаются. В глубине сцены, где-где, газы зажигают свечи в фонарях и в садовых подсвечниках. На противоположном берегу Волги, в городе, в окнах домов, на улицах и на пристанях постепенно зажигаются огоньки. Музыка — вальс — смолкает, и с правой стороны, группами и по двое, выходят дамы, девицы, восинные и статеские мужчины: прогуливаются, разговаривают на коврах и к столам, пьют, едят: некоторые идут гулять за кулисы: налево — на берег Волги — и в глубину сцены — в лес.

Вирязев и Грещищев входят, разговаривая, справа, и садятся к столу.

Полицейские чины и Удалцов показываются в глубине сцены, справа, и следя за движениями губернатора, так только он все, останавливаются в различных местах, за кустами и деревьями.

Удалцов стоит ближе других к авансцене, разговаривая то с одним, то с другим из гостей, но тоже все время сидит за губернатором.

Грещищев. Особенно неудобно, что он чиновник при нашем пр-ве...

Вирязев. (Встревожен). Конечно!.. Конечно!.. Друг мой... Я вам очень благодарен, что вы сказали.

Грещищев. Считал это долгом службы, ваше пр-во. Притом, я не желаю неприятностей и лично вам...

Вирязев. Мерси, друг мой. Мерси... И вы уже имеете определенное предписание?

Грещищев. Нет. Мне было только предложено проследить... Я предложил начальнику почтово-телеграфного округа передавать мне письма. На первое время — адресованные ему. Правда, пока я не встретил ничего определенно уличающего...

Вирязев. Да...

Грещищев. Но и по этим письмам ясно, что служить, и тем более — губернатору он, конечно, не должен...

Вирязев. Да?..

Грешищев. Безусловно... Одно из писем я даже претворял в Петербург. И этот корреспондент будет, конечно, арестован...

Вирязев. Да-а?.. В чем-же дело?..

Грешищев. Он передает Репьеву столичные сплетни. Об интимной жизни их величеств. И в таком тоне и в таких выражениях, которые определению караются по 102 и 104 статье.

Вирязев. Ну, да!.. Такому типу, конечно, при мне не место!..

Грешищев. И мне кажется, ваше пр-во, лучше расстаться с ним немедленно. Пока ничего не стяслось.

Вирязев. Конечно!.. Конечно!..

Грешищев. Мало-ли под каким предлогом вы можете это удалить... А когда вы уволите его со службы, удалить его из города мне будет и совсем легко..

Вирязев. А виновата Екатерина Алексеевна!..

Грешищев. Начальница?

Вирязев. Да. Спечинская... Он сирота... Сын ее подруги. Какой-то курсистки...

Грешищев. И притом незаконный...

Вирязев. Да-а?.. Вот, видите!.. На свой счет она воспитала его в ёздешней гимназии. Потом—в университете. В Петербурге...

Грешищев. Я знаю...

Вирязев. И, когда он его кончил... в прошлом году... Она упросила меня взять его на службу... Взял. И—видите!. Да ведь, в сущности, и сама—она... Этот департаментский процент курсисток из девиц, окончивших ее гимназию...

Грешищев. Об этом я неоднократно говорил вашему пр-ву...

Вирязев. Не примите меры. Герман Романович. Меры!.. Пусть ее уберут от нас... Пусть переведут... Напишите в департамент, и я вас поддержу..

Грешищев. Написать должны вы: ваше пр-во...

Вирязев. Я?..

Грешников. Конечно. А после того, на запрос департамента, буду отвечать уже я.

Вирязев. Напишу!.. Я напишу... Помилуйте! Даже мою собственную дочь она толкает на этот разгром... На эти "курсы"!..

Грешников. Неужели Елена Александровна хочет...

Вирязев. Конечно—пустяки!.. Молодость... Петербург, столица... Собираются туда две-три подруги. Вот, — и она... Но, ясно,—я не пущу!.. Прекратимте. Она идет... (*Продолжают разговор вполголоса*).

Леля и гр. Стебницкий входят справа.

Стебницкий. Скучно!..

Леля. Мерси!..

Стебницкий. Елена Александровна!.. Я говорю вообще тут скучно. Сравнительно со столицей. Все это так убого, так мелко.

Леля. А я думаю, граф, вам скучно прежде всего потому, что вы сами — скучный!.. На днях я перечитывала „Картире“ Алексея Толстого. И, когда прочла:

„Читатель мой, скажи, ты был ли моло?“

„Не всякому известен сей недуг“...

„Не многие у нас рождаются наги, —

„Большая часть — в мундире и при шнаге“, —

тут мелькнули мне — вы... Право! Мне всегда кажется, что вы никогда не были ребенком... Что даже на руках у кормилицы вы сидели в маленькой трехуголочке, в лицейском мундирчике и с малюсенькой шпаженкой... Что и ребенком вы были лысенький...

Стебницкий. Елена Александровна!.. За одно мое невинное — „скучно“, — и целый град насмешек... Понадите!..

Леля. Вы говорите: здесь скучно... Но, неужели, там, в столице, когда вас собирается много таких чистеньких, лысеньких, молоденьких старичков — неужели вам бывает весело?.. Впрочем, если вам весело, потому что вы смеетесь, глядя друг на друга, — я понимаю...

Ами показывается слева.

Стебницкий. (*Увидя ее*). Слава Богу, идет ваша гувернантка... Я ей пожалуюсь и убегу от вас...

Ами. (*Несколько возбужденная и взбудораженная, быстро идет прямо к Леле, накоса взглянув на Вилязева и Гречишцева*). Леля!.. А я иду вас... Давно... Я думала вы пошли с папой. На Волгу...

Леля. Нет. После кадрили с графом, мы никак не можем расстаться... Нам так весело! Ему со мной, а мне с ним... И мы слышали друг другу комплименты. Ох мне. А я ему...

Стебницкий. Да!.. Елена Александровна ссыпалась мне такие комплименты, что—еще два-три, и мне пришлось бы вызывать губернатора на дуэль...

Ами. Кстати, пока вы не убили его на дуэли, надо его спросить—уезжаем мы, или остаемся?..

Леля. Нет, нет! Я не уеду... Будет фейерверк. Солдаты будут петь. А я страшно люблю настоящую, простую, русскую песню. И особенно хоровую... А вам, граф, и при этой песне, должно быть,— «скучно»?..

Стебницкий, Леля и Ами подготавливают к Вилязеву и Гречишцеву.

Гречишев вспоминает и отмечает к аван-сцене.

Вилязев. (*Теле*). Друг мой. Я собираюсь домой.

Ами. А Леля хочет остаться.

Визярев. Хочешь?.. Оставайся... Я так рад, что тебе весело... (*Говорят вполголоса*).

Гречишев. (*Вполголоса Ами*). Сделано. Он его удаляет...

Ами. (*Так-же*). У меня неожиданная новость... Большие денежные перспективы... Иди в лес. И жди...

Гречишев отходит и скрывается в глубине сцены, в лесу.

Стебницкий прощается с Лелей, Ами и Вилязевым.

Вилязев. Вы уезжаете, граф?

Стебницкий. Да...

Вилязев. Я напрашиваюсь в ваш экипаж.

Стебницкий. Очень рад, ваше пр-во...

Вилязев. Мои дамы остаются. И свой я оставляю им...

Вирязев и Стебницкий уходят направо.

Удальцов винзанно отбегает от того, с кем разговаривал в эту минуту, и идет за Вирязевым.

Полицейские чиныдвигаются направо, за кустами и деревьями, и скрываются за кустами одновременно с Вирязевым.

Ами. (*Внезапно обиженая Голос*). Леля! Милая!.. Что я вам расскажу!.. (*Смеется*).

Леля. Веселое? Рассказывайте скорей... Люблю веселое!..

Ами. Нет, вы не можете себе представить!.. (*Несколько пауз*). Хотите быть миллионершей?..

Леля. Хочу!.. А кто их подарит? Миллионы?

Ами. Ваш будущий муж...
Леля. Ого!.. Это действительно, весело.. И сколько?

Миллионов?..

Ами. Шесть. И три дома. Да два именья...

Леля. Значит старик?

Ами. Напротив... Молодой, красивый... Чисто русский тип... Из купцов. Но — чиновник...

Леля. И он влюблен?

Ами. Влюблен...

Леля. Вот, так история!.. Я, конечно, не влюблена. Не правда-ли? Иначе, я знала-бы — кто он... Но я влюблюсь... Раз — шесть миллионов, я заставлю себя влюбиться... Теперь говорите главное. Кто этот рыцарь?..

Ами. Чиновник особых поручений Хохрев.

Леля. Ой!.. Какая я несчастная... (*Коверкая французские слова*). Сет-аэр!.. Я такая малер!.. (*Подумав, ноги машины паузы*). Ами! Честное слово, вы не шутите?..

Ами. Честное слово!.. Сейчас его сваха через меня сделала вам предложение...

Леля. И — сваха?.. Как у Островского... Вот — весело!.. Ами. Милая. Я вас умоляю!.. Устройте так, чтобы он сделал мое предложение не через сваху, а сам. Лично. Ради Бога!..

Ами. (*Не понимая*). И вы согласны?..

Леля. Ну, да. Вести переговоры... Интересно! Еще никто, никогда не делал мне предложения. Никто!.. И если только вы меня любите, вы это устроите... Да? Устроите?..

Ами. Папа рассердится, если узнает...

Леля. А зачем ему знать?.. Я буду знать, и вы... И жених. Да сваха... А кто — сваха?..

Ами. Это секрет...

Леля. И — не надо. Не добиваюсь... Только, ради Бога, устройте, чтобы он сам...

Ами. Вы хотите его выпутить?..

Леля. (*Петрога подозрительно взглянув на Ами*). Нет! Как можно?.. Вы говорите — он влюблен. А это такое сятое чувство... Вообще, я много подумаю об этом. И посоветуюсь... С вами... И — кто знает? Все может быть... Но, во всяком случае, я хочу с ним поговорить... Сейчас — нельзя? Он здесь. Я его видела...

Ами. Нет... Он уже уехал... (*Не понимая Толи, теряясь и соображая кое-что*). Побудьте тут... С кемнибудь... А я отыщу сваху. И узнаю еще кой-какие подробности. Но главное — скажу ей, чтобы он явился к вам лично...

Леля. Да, да!.. Вот, идет Екатерина Алексеевна. Я побуду с нею... (*Пойдет на встречу Спечинской*).

Ами. Хорошо... (*Быстро уходит в глубину сцены, в лес, куда ушел Гришичев*).

Спечинская и Репьев входят справа.

Спечинская. До свиданья, Леля. Я еду домой...

Леля. Уж?!.. Посидите немного со мной... Чуть-чуть... Пожалуйста!..

Спечинская. (*Садится*). Чуть-чуть посижу... (*Целует Толю*).

Леля. Правда — тут сегодня весело?

Спечинская. Нет, Леля. Скучно.

Леля. Вам было скучно?..

Спечинская. Скучно, милая... И именно об этом мы говорили сейчас с Алешей... Тебе конечно, весело. Потому что ты ничего не знаешь...

Леля. (*Настороженно*). Чего я не знаю?.. О чём вы говорили?..

Спечинская. Но должна узнать все. Первая. И я уверена, когда ты узнаешь даже кое-что, ты убежишь отсюда, уже не раздумывая... Сейчас — хотя бы на курсы. А после — видно будет... Но сюда ты уже не вернешься. Никогда...

Леля. Я ничего не понимаю... Ради Бога, — что случилось?..

Спечинская. Это не „случилось“, Леля. Все это происходит давно. И ежедневно... Это течет, как вода в реке. Вечно... И все это знают. Но ты — дочь губернатора. Здешнего царя. И тебе, до сих пор, никто ничего не говорил. Одни боялись говорить. Другие жалели тебя. — ребенка... Но теперь ты взрослая. Ты — человек. И дальше скрывать от тебя все... уже грех... Мы и решили с Алешей больше не скрывать... (*Вспоминая*). Теперь я, все-таки, уеду. А его спрошу, для начала, хотя бы о том — почему и мне, и ему было тут скучно... До свидания, милая... (*Целует Лелю*). А захочешь, чтобы многое рассказала тебе и я — заезжай ко мне...

Леля. (*Обнимая Спечинскую*). Да... да... Я хочу... Очень... Спасибо... Я приеду... Можно завтра?

Спечинская. Прекрасно. В котором часу?

Леля. В семь можно?

Спечинская. Можно... (*Решившую*). Приезжай в это время и ты...

Репьев. Непременно...

Спечинская. (*Целуя Лелю и Репьева*). Не провожайте. Тут со мной, четыре моих гимназистки... (*Ходят направо*).

Голоса. (*Из разных мест*). Фейерверк!.. Сейчас фейерверк!.. Идите на Волгу!.. Фейерверк!..

Гости, солдаты, лакеи *бегут, налево — на Волгу — из зеркальных сцен, из леса, и через сцену — спешат налево*. Через мгновение сцена свободна. *Луна светит уже во всю*.

Леля. (*Подходит решительно к Репьеву*). Алеша. В чём дело?..

Репьев. (*Берёт её за руку*). Детка моя!.. Напугали мы тебя, итичку веселую!.. Ничего... Это — необходимо... неизбеж-

но... Сядем... На мою долю выпало счастье открыть тебе газа. Тебе предстоит прочесть сложную, многотомную книгу. Книгу жизни... И мы прочтем ее тебе. Я и тетя Катя... А сейчас я прочту тебе только одну страницу. Кстати. Наглядно... Слушай... Ты говоришь, сегодня тебе тут весело... Да. Фейерверк, музыка, танцы, солдатские песни... Вина, фрукты,— шир горой! И на вид всем весело. Все пьют, танцуют, празднуют, А тебе особенно радостно и весело. Этот мир твой отец устроил для тебя. И в твою честь. Ты окончила гимназию... Так этот пикник представляется тебе. Но взгляни на это дело—как оно есть... А это дело невинное, сравнительно с теми делами, что творятся вокруг тебя ежечасно... Алеха! Весь этот мир не стоит твоему отцу ни копейки...

Алеха. Как так?!.. Как ни копейки?..

Репьев. Вина, фрукты, закуски, куницы доставили сюда даром. С ведома губернатора. И по приказанию его первейшего холопа — полицеймейстера...

Алеха. (*Спокойно вспоминая*). Алеха! Это безусловно правда?..

Репьев. Ни слова лжи во всем, что я говорю. Как не было в моих словах и до сих пор... На этот фейерверк истрачено казенное добро. И готовили его и носкают люди, оплаченные казнью... Солдаты—сто человек, развлекая нас всю ночь, играют танцы и поют песни. И тоже — даром. Им приказал полковой командир. Он в дружбе с губернатором, и рука моет руку. Сегодня я тебе завтра — ты мне... Но, подумай! Разве солдат, оторванный от семьи, от земли, от своего дела и заработка, шел на это? Разве в этом — „войинская совинность“? В этом — защита отечества?!

Алеха. Какой ужас!..

Репьев. Какая подлость!.. И все эти обобраные куницы и обманутые солдаты, этот русский народ, прекрасно понимая эту подлость, подчиняются силе и бесчестной власти. И все они проклинают и губернатора — твоего отца, и тебя, его дочь... Ради твоего развлечения, одних он грабит, других заставляет работать даром. Будто своих рабов... (*Мимо*)

за). Вот — только одна случайная страничка книги... И вот, почему тете Кате, и мне, и еще очень многим тут не весело, а скучно. И стыдно. Стыдно, Леля!..

Леля. Алеша! Но ты сам?.. Зная все это, и ты служишь?.. Алеша!..

Репьев. Когда надо снасти ближнего, на мгновение, человек бросается в тину, в болото, в грязь... У меня не было много выхода. Я люблю тебя. И я бросился за тобою в то болото, в которое тебя, без вины виноватую, закинула судьба. Тебя, тебя, мое сокровище!.. Но, не бойся. Я пришел в болотных сапогах и в плотных перчатках. Ибо мне никакая грязь не прелипнет... Леля! Я дал себе слово переносить всю эту муку, пока вырву тебя отсюда и увезу. Увезу совсем в другой мир, к другим людям... Пока ты была ребенком и кончала гимназию, ни я, ни тетя Катя не могли, не смели нарушать мир твоей чистой и ясной, детской души. Но теперь — от тебя зависит как можно скорее спасти и себя, и меня... Улетим, моя ласточка! Я умоляю тебя — уедем отсюда!..

Леля, молча, склоняется на его плечо и плачет немного, только слезами.

Репьев. (Гладит ее по голове и царапает в щеку). Понищи, родная... Ты будешь плакать не долго... Когда, чистая и чистая, ты уйдешь из этого болота и ни душой, ни телом не будешь виновата в том, что здесь творится, так ясно станет на твоей душе... И ты запоешь опять... Запоешь так радостно и весело, как никогда не певала тут!..

Ами быстро входит из глубины сцены, из леса. Увидя Лелю и Репьева, сразу останавливается. Подумав мгновение и оглянувшись во все стороны, слабо кашляет и идет на авансцену.

Репьев встает и отходит от Лели.

Леля. Оставьте нас, Алексей Николаевич...

Репьев уходит направо.

Ами. Леля... Он вас оскорбил? Обидел?..

Леля. Нет.

Ами. В таком случае, я ничего не понимаю... Что же это значит?.. Вы дочь губернатора, и он...

Леля. (*Выпрямляясь*). Мама Ами!.. Губернантку приглашал для меня отец. Но об условиях с компанионкой я буду говорить сама. И вы еще не знаете условий, при которых я намерена терпеть компаньонку.

Ами. (*Растерянно*). Вы хотели посмотреть фейерверк... Послушать песни...

Леля. Раздумала. Такого фейерверка, таких песен мне не надо! Поедемте домой. (*Ходят направо*).

Вспыхивает первая ракета. Симбирский хор затягивает:

„Вниз да по матушке, да по Волге“. поет п. под это
нение. занавес медленно опускается.

Конец 2-го действия.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ.

Широкая терраса, выступающая в цветник и в тенистый старый сад при губернаторском доме. Вдали, прямо за садом и его оградой, открывается вид на нижнюю береговую часть города, на Волгу и на ее противоположный берег. С боков вековые дубы и липы. Среди террасы обеденный стол, по углам и вдоль перил изящная и разнообразная садовая мебель:—кресла и столики. На одном из них: ваза с фруктами, тарелки, ножи, сифон с сельтерской водой и стаканы. В цветнике, около террасы: чугунные столы и скамейки, комнатные растения в кадках и цветы в клумбах.

Лунный свет, а на террасе и около нее, в цветнике, яркий свет от электрических ламп и садовых подсвечников. Вдали огоньки: на улицах, в домах, на пристанях и за Волгой.

Лето. Девять часов вечера.

Вирязев и Ами сидят на террасе за маленьким столиком. Она ест фрукты, он пьет сельтерскую воду.

Вирязев. Дьябль!.. Это невероятно обожжает положение...

Ами. Да. И для меня это был неожиданный сюрприз...

Вирязев. Еще вчера я думал, что он мой чиновник, — и только. Что я дуну, и он полетит со службы. Потом дунет Грешицев, — и он улетит из пределов губернии. И делу конец. А теперь...

Ами. Теперь это сложнее...

Вирязев. Чуть-ли не зять! Не угодно-ли?.. Но, неужели она его любит?

Ами. Если-бы не любила, разве она позволила-бы ему целовать? Обнимать?.. Не из таковских...

Вирязев. Дьябль!.. И я даже не могу спросить ее...

Ами. Можешь, конечно. Но малейший намек на вчерашнее выдаст меня с головой. Ведь я теперь не гувернантка, а компаньонка. Я должна молчать...

Вирязев. Я о том и говорю: Конфликт с тобой..

Ами. Несомненно. И более острый, чем вчера, нации... нике...

Вирязев. Вот, положение!.. Что натворил, проклятый социалист!.. А благодаря этим урокам английского языка, они будут видеться каждый вечер и дальше...

Ами. Этого мало. Каждый вечер, через полчаса, после урока и после его ухода, она идет гулять в сад. Одна...

Вирязев. Почему одна?!

Ами. Говорит, что в это время, на ночь, любит гулять именно одна. Любит „мечтать“!.. И раньше эти прогулки казались мне подозрительными. Но, после вчерашнего открытия, ясно, что „мечтают“ они... вдвоем...

Вирязев. Почему же ты не проследила?

Ами. Допустим, я-бы даже выследила... Что дальше? Тоже, что и сейчас...

Вирязев. Безобразие!.. Девчонка и мальчишка, и святят меня в такое положение, что у меня связаны руки. У меня!.. Дьяблы!.. Нет. Я держу в этих руках целую губернию. И не им, молокососам, бороться со мной.

Ами. Саша! Губернию ты держишь в руках при помощи штыков и нагаек. А с этими „молокососами“ приходится бороться совсем другими средствами. И это гораздо труднее...

Вирязев. Значит, я должен буду согласиться и на ее брак с этим подзaborником? А если он пожелает, и на их „гражданский брак“? Так?!

Ами. Можно ждать всего...

Вирязев. Ну, нет!.. Я возьмусь за него немедленно...

Ами. Это необходимо... Чем дальше она будет под его влиянием и под влиянием госпожи Спеченской...

Вирязев. Она! Она виновата во всем!..

Ами. А Леля и сейчас у нее. И, быть может, там-же и он. И Бог знает, почему они ее поучают...

Вирязев. Дьяблы!.. Она всучила мне его на службу. Она-же выдумала эти проклятые уроки английского языка.. Сводня!.. Вон из моей губернии. И его, и ее... Вон!.. В 24 часа!..

Ами. Да... А если-бы не этот нелепый роман. Пожалуй, она вышла-бы за Хожрева...

Вирязев. Никогда-бы она не пошла за этого хама!

Ами. У этого хама десять миллионов... Вы не знаете женщин, Саша. Хам позолоченный для них не хам...

Вирязев. Не для всех.. Не для всех!..

Ами. Для всех, Саша. Для всех... И могли-бы уехать в Париж немедленно... (*Паузу*). Хотя, я не понимаю... Почему ждать непременно, пока ты накопишь двести тысяч? Право, и сто пятьдесят хорошие деньги. Плюс---твоя пенсия. Или сенаторское жалование... Наконец, сто тысяч лично моих...

Вирязев. О, нет... Эти деньги я подарил тебе не для того, чтобы проживать их вместе. Это лично твои деньги. На случай несчастья...

Ами. Но проценты...

Вирязев. Пусть нарастают... Ах, мне только отделаться от этого господина! Но теперь я возьмусь за них круто...

Ами. Только помните, Саша... Я---в стороне... И, если твоя дочь оскорбит меня еще раз, я должна буду уехать немедленно.

Вирязев. Одна? От меня? Куда?..

Ами. В Париж... Буду ждать тебя там. И, если ты меня любишь, ты сумеешь ликвидировать тут дела и приехать ко мне.

Вирязев. Если.. Ами.. Неужели, это еще не доказано?.. (*Глажко положил ее руку на плечо*). И неужели ты можешь бросить меня одного?

Ами. Я не собираюсь бросать тебя. Но, если меня к этому вынудят, что мне останется?.. Судя по тому, как она говорила со мною вчера, завтра она просто объявит, что не нуждается в компаньонке. И--баста!..

Вирязев. Этого... этого я не позволю!..

Ами. Ты опять забываешь, что для нее ты не губернатор. Как ты „не позволишь“ Объяснишь ей, и всем, что оставляешь меня своей компанией?.. Да?

Вирязев. Дьябль!.. (*Встает и берет фуражку и пальто*). Не могу... Я должен все это обдумать. И что нибудь решить... Пойду пройтись. Четверть часа. А ты позвони пожалуйста, к Грешищеву. Скажи, что я прошу его приехать. (*Чтобы прийти ни часы*). Через полчаса... Это надо кончить разом. Довольно!..

Арсений. (*Входит на террасу из дома*). Ваше пр-во. Вас желает видеть Аграфена Ниловна.

Вирязев. (*Удивленно*). Полицеймейстерша?..

Арсений. Так точно.

Вирязев. (*Пожимает плечами*). Проси...

Арсений *выходит в дом*.

Ами. Неужели и к тебе свахой?..

Вирязев. Не думаю... Впрочем, хамка и дура. И можно ждать всего...

Ами. Я убегу, чтобы она не засиделась...

Вирязев. Да, да!.. И позвони Грешищеву...

Ами *входит по ступеням террасы в цветник и скрещивает в темной изумне садо*.

Удальцова. (*Входит на террасу из дома в шляпке и в легкой накидке*). Мое почтенье, ваше пр-во!.. (*Садится*). А приятная погода нынче. И не жарко, и не холодно...

Вирязев. Да. Прохладно... Гуляя, и заглянули к вам?.. Жалко, дочери нет дома...

Удальцова. Нет, ваше пр-во. Я к вам по делу...

Вирязев. По делу?.. Желаете пройти в кабинет?

Удальцова. А зачем в кабинет? Ведь и тут никто не подслушает?

Вирязев. Никто. Будьте покойны... В чем-же наше дело?

Удальцова. Не мое, ваше пр-во. Ваше.

Вирязев. Мое?..

Удальцова. Ваше... За пять лет вы получили от меня по векселям, двести двадцать восемь тысяч. Правильно?..

Вирязев. В точности я сейчас не помню. Но, раз вы говорите, конечно - правильно...

Удальцова. Правильно. Правильно... Я только что подсчитала.. И, как вам известно, деньги эти не мои. Сродственника моего. Купца Пухова.

Вирязев. Да... я знаю...

Удальцова. Монеты, которые мне были дадены в приданое, мой благоверный аристократ протер... Все. До грошика... Так вот, ване пр-во. Пухов требует свои деньги обратно.

Вирязев. Обратно?.. Все?.. И сразу?..

Удальцова. Вот, именно ваше пр-во... Пять лет говорит, я только давал. И не требовал. Ни денег, ни процентов. Потому они мне были ни к чему. А теперь, говорит, понадобились. И очень... И, как все кекселя писаны до первого требования, он и требует...

Вирязев. (*Подле малой науки*). Как-же так, Аграфена Ниловна? Сразу. Все. И даже без предупреждения...

Удальцова. Как можно без предупреждения, ваше пр-во? Это бы не по божески.. Нет. Предупреждает. За три месяца... Три месяца от сего числа, говорит, жду. А после, говорит, и дня не могу ждать. Потому, говорит, у меня платежи Срочные... (*Наука*). Ну, вот, я и сказала. Свое дело и сделала... (*Наука*). А три месяца срок большой, ваше пр-во. Извернуться можно... (*Наука*). Правда, вине пр-во?.. Можно?..

Вирязев. Конечно.. В три месяца, я думаю, я справлюсь...

Удальцова. Справитесь, ваше пр-во! Как-же в три месяца не справиться? С таким-то пустяками?.. И мое будет приятно. Через меня Пухов давал деньги, через меня их и обратно получит. Честно и благородно... Ну, и бланки на кекселях все-таки мои-же... (*Наука*). Так я ему завтра и скажу: Пухову. Как, мол, требуешь, так и получишь: Все и с процентами... (*Вспомнишь*). И будьте здоровы, ваше пр-во...

Вирязев. (*Вспомнишь*). До свиданья, Аграфена Ниловна...

Удальцова. Люблю я это дело закончить. И скоро, и благополучно...

Вирязев. Кланяйтесь Назлу Кирильчу.

Удальцова. Ай, нет! Не буду сму кланяться, ваше пр-во. Будто я у вас и не была... Он-же о наинем деле не знает...

Вирязев. Правда. Я и забыл...

Удальцова. Ну, как-жел.. Как мы с вами поремнили при первом векселе, чтобы он ничего не знал, так и по сегодня не знает. Ничего!

Вирязев. И прекрасно...

Удальцова. (Заливается). А вот, что еще, ваше пр-во.. Говорила-же вам что нибудь ваша мадмазель?

Визирев. О чём. Аграфена Ниловна?

Удальцова. Насчет нашего вчерашнего разговора?

Вирязев. Нет... Ничего не говорила...

Удальцова. Не говорила?.. Чего-ж это она?.. Но может-же она сама этакое дело выренить... Сирхите ее, ваше пр-во. Пущай скажет... Дело можно сказать, даже очень стоящее...

Вирязев. Хорошо... Если вы не хотите сказать сами, спрошу ее...

Удальцова. Не то, чтобы я не хотела, я... пущай лучше она... (Малая наука). А я только вот что скажу, ваше пр-во... С этим делом не в три меяца можно-бы упраниться.. а в один... Да поста... И тогда с тем-то делом, с Пуховским и вонсе бы легко сладить... (Страш. торопливо). Разрешайте пройти через сад?.. В калитку?.. Я и в шляпке, и в манте...

Вирязев. Пожалуйста. Я вас провожу... Хочу пройтись. На бульвар...

Удальцова. И чудесно!.. Погода очень приятная. И не холодно, и не жарко... (Спускается по ступенькам террасы в цветник и скрываются в темной глубине сада).

Ами. (После малой науки, выходит на террасу из двери). Ушли... Иди... (Ходит по ступеням в цветник).

Грешищев выходит из дома на террасу и идет за Ами.

Ами. (Садится на скамейку у террасы в цветнике). Погодим тут. Здесь так хорошо... А ему скажем, что ты пришел раньше моего звонка...

Грешищев. (Садится рядом с Ами). Да... Кстати, у меня есть и дело... Ну?..

Ами. Ну,— после вчерашней выходки, она может заплыть мне такую сцену... после которой я должна буду уехать уже немедленно.

Грешищев. Возможно.

Ами. И потому, завтра же доставь мне агентский заграничный паспорт и билет. На всякий случай...»

Грешищев. Непременно.

Ами. Пусть лежат. Наготове... Уеду прямо в Швейцарию. И буду ждать тебя там... Сто тысяч пятьдесят пятьдесят твоих ждут нас за границей... Последние пятьдесят от Чукера и за камер-юнкерство Михайлы при мне. Шестьдесят тысяч, которые ты подарил лично мне, тоже за границей.

Грешищев. И завтра, с паспортом, я передам тебе еще сорок к моим...

Ами. А эти—откуда?

Грешищев. Разные скопились. По мелочам... За раскрытие дел, за прекращение дел... Тут же и наградные. За благополучный проезд „обожаемого“ с семейством...

Ами. Пора, Герман! Пора удирать... Ты найдешь себе дело и за границей... Года еще молодые, на плечах умная голова, знаешь три языка...

Грешищев. Да... Не пропадем и там... А тут, правда, становится тревожно... Город говорит о твоем паше с большим раздражением. И о долгах без отдачи, и о взятках...

Ами. Пора!. Ведь у нас уже четыреста тысяч. Это деньги!..

Грешищев. Нет. Если мы решим ликвидацию и отлет, перед отъездом, я получу еще сотню тысячечонок. Сразу... Тогда, уезжая с одним дельцем рискнуть будет уже не страшно...

Ами. Видишь?.. Полмиллиона!.. Уедем. И пусть она выходит замуж за Репьева, за Хохрева, едет на курсы, делает что хочет... Я даже думаю устроить конфликт умышленно. И чем скорее, тем лучше... Устала, Герман! Я очень устала... И постылые ласки этого старика...

Грешищев. Не легко. Понимаю..

Ами. И редкие и тревожные встречи с тобой. Урывками. На мгновение. Когда хочется быть вместе вечно... Не расставаясь...

Грешищев. Наверстаем. Ами!

Ами. И вообще это двусмысленное, оскорбительное положение... Право, когда я была не Ами, когда я была еще „Аи“ и пела в шантанах Варшавы и Вены. мое самолюбие страдало меньше... И ведь это длится уже целых три года... Устала!. Устала...

Грешищев. Аи... Ты сама только что подсчитала, что за эти три года мы заработали тут почти полмилларона. Но разве такие деньги даются даром? И разве это не хороший гонорар за наши временные лишения? И за терпение?..

Ами. Верно... Все верно... Но, повторяю, Герман, я устала... И, теперь, поработав, я хочу отдохнуть... Прежде всего, я хочу уехать из этой дикой, грязной, серой страны.. Туда, где ярко светит солнце. И где оно греть... Где люди носят чистые воротнички и чистят ногти... Где они берут ванну не только по субботам... И я хочу жить. Жить свободно. Не зависеть от какой-то девчонки... Не ласкать старика... А главное, —быть всегда с тобой... С тобою, милый!..

Грешищев. Потерпи чуть-чуть... и все будет хорошо...

Вирязев показывается на дорожке, из темной глубины сада.

Грешищев. (Во время звонка Вирязева, делая вид, что не заметил его и боязно продолжая разговор). Очень хорошо... Гораздо приятнее, чем в комнатах... Это очень старый сад... Чулный. Тенистый...

Ами. (Догадавшись и вставая). А вот и генерал... (Вирязев). Полковник пришел следом за вами. Раньше, чем я успела позвонить... Как сумела, я заняла его до вашего прихода. А теперь — передаю его вам...

Грешищев. Честь имею кланяться, ваше пр-во... Есть маленько дельца. Но спешное. И я не хотел откладывать до утра...

Вирязев. (*Входит по ступенькам на террасу*). Очень рад, друг мой... Садитесь, пожалуйста... (*Сидятся к большому столу*).

Ами. Я могу уйти?

Вирязев. Конечно, падемоисье... Конечно... Только, будьте добры, прикажите подать красного вина. Полковник любит бургунское.

Ами. Сейчас... (*Уходит в дом*).

Вирязев. Что случилось, Герман Романович?

Грешнцев. Сравнительно—пустяки, ваше пр-во... Ваше дело, быть может, серьезнее?

Вирязев. У меня все тоже дело, полковник... Все тоже. Но еще ~~вашего~~ вчерашнего сообщения, оно не дает мне покоя... Дьябль!.. Подумайте, из за этого ничтожного социалиста у меня могут быть крупные неприятности в министерстве... Медлить нельзя...

Грешнцев. Не следует, ваше пр-во...

Вирязев. Я предложу ему подать и отставку завтра же. А затем, обещаите, друг мой, что немедленно примет меры и вы, *Вы* наставите его...

Грешнцев. Моментально.

Арсений *входит на террасу из дома, с подносом, синими стаканами, клавит все это на стол, наливает вино в стаканы и уходит*.

Вирязев. (*Пьет*). И завтра же я посыпаю соответствующее единение *начальнице*.

Грешнцев. (*Лжет*). Пусть только меня спросят. И послезавтра от меня, я вам ручаюсь, ее удалят. Немедленно.

Вирязев. О!.. Мечтаю о том, чтобы отдельаться от этой способы. И от этого англичанина!..

Грешнцев. Почему—“англичанина”?

Вирязев. Как же? Ежедневно он дает моей Леле урок английского языка...

Грешнцев. Да, да, да... Я слышал...

Вирязев. И чорт его знает, что он проповедует ей во время этих уроков...

Леля приходит по дорожке из темной глубины сада, смычим последнюю фразу Вирязева, удивленная и очень заинтересованная, прислушивающаяся к меноведам, но, в то же мгновение решив не подслушивать, особенно торопливо и плавно, вбегает по ступенькам на террасу, здоровающая с Гречишевым, берет из вазы яблоко и ножик и, отойдя к перилам террасы, чистит яблоко и ест.

Гречишев. Так вот, как и что произошло, ваня и пр-во..
Леля. Я вам не мешаю, папа?

Вирязев. Нет, друг мой. Нисколько.. Мы о скучных, служебных делах...

Гречишев. Архиерей собрался обเยзжать снархию...
Вирязев. Дело обычное. Подкормиться!..

Гречишев. На этот раз, впервые, маршрут был составлен через деревню „Бугорок“.. Становой пристав Иконов, с урядником, поехали передовыми—привезти его преосвященству путь. И вообще,—навести порядки..

Вирязев. Правильно... Как водится...

Гречишев. В „Бугорке“ деревенские ворота оказались шириной всего—сажень с четвертью...

Вирязев. А необходимо?

Гречишев. Чтобы архиерейский ридван и четверик могли проехать, — минимум полторы сажени...

Вирязев. (*Попивая вино*). Гм... Задача для станового..

Леля прислушивается к разговору внимательнее.

Гречишев. Ворота примыкали с одной стороны к общественному колодцу, а с другой—к забору избы крестьянина Иволгина. Забор этот огораживал три яблони и крылечко избы.. И становой решил задачу просто.. Примазал вырубить эти три яблони, снести забор, а кстати — и крылечко.. И получился проезд в две сажени...

Вирязев. (*Улыбаясь и попивая вино*). Чего проще!.. Иконов?.. Помните, этот становой действует решительно. Метит прямо в исправники...

Грешищев. Хорошо-с... Иволгин подчинился и снес. И яблони свои, и забор, и крылечко... Но крестьяне „Бугорка“ решили при проезде архиеря остановить его и пожаловаться...

Вирязев. (*Хмуряга*). Ну-ну?.. Остановили?

Грешищев. Остановили. И пожаловались... И владыко, вместо того, чтобы сказать им два-три „теплых“ слова, или тут-же сделать выговор провожавшему его становому...

Вирязев. Или, просто, выбросить мужикам четвертную на водку...

Грешищев. Именно... Обругал их. За то, что они беспокоят его по пустякам... Проезжая „Бугорок“, он дремал...

Вирязев. Узнаю!.. Узнаю нашего высокотактичного владельцу... Ну-с? А они?..

Грешищев. Они, всей деревней, проводили его свистом и руганью. И бросали в карету палки и комки грязи...

Вирязев. Добился!.. Доезжал по спартакам...

Грешищев. И вот, сегодня, об этом происшествии ко мне поступило донесение архиерейского секретаря. Владыко просит начать дело. И покаратъ... Завтра о том-же донесет вам исправник. И я хотел-бы не разойтись с вами в резолюции... Как быть?..

Вирязев. (*Небольшая пауза*). Мое мнение — история начинать не стоит. Факт, сам по себе, слишком мелкий, а раздуют невероятно...

Грешищев. И по моему...

Вирязев. Предадим забвению... (*Нет вано*).

Леля. (*Выступает перед византийцем, очевидно, должна для этого себя совершенно неожиданно*). Забвению?.. Предать забвению такое дело?..

Грешищев быстро поворачивается в сторону Лели и смотрит на нее, не спуская взгляда, всю своюющую ее.

Визярев. (*Очирашен*). Леля!.. Что с тобой?.. Успокойся, друг мой...

Леля. Как я могу успокоиться?.. Как я могу спокойно есть это яблоко, когда вы рубите у крестьянина его яблони только

для того, чтобы проехала архиерейская карета?.. Предать забвению!.. Факт слишком мелкий!.. Какой ужас!..

Виряев. Леля... Я тебя не узнаю... Леля'..

Леля. Не забвению, а суду надо предать такого становившегося!.. И этого архиерея... Разве это архиерей?.. Мы дадем его руки! Он служит в церкви!.. Он представитель Христа!.. Папа! Что же это?..

Виряев. Замолчи!.. Уйди отсюда...

Леля. И так вы служите народу?.. О, скоро народ „предаст забвению“ вас самих...

Грешников встает с поклоном и медленно и еще раз вглядываясь на Леля, переводят глаза на Виряева и смотрят в упор на него.

Виряев. (Вскакивает быстро и взмолковано). Ты с ума сошла?!. Как ты говоришь?.. И что ты говоришь?.. (Грехников). Вот, вам эти уроки английского языка!.. Извините, друг мой.. Пройдемте в кабинет... (Быстро уходит в дом).

Грешников медленно уходит за ним.

Леля стоит задумавшись, глядя в темноту, в глубину сада.

Ами. (Входит из дома на террасу, подходит к Леля, обнимает ее за талию и — заглянув в лицо). Что с вами, Леля?.. Что случилось?..

Леля. (Освобождая свою талию от руки Ами). В том и ужас, что и это не „случилось“... Говорят, такова — „система“!.. Все этоично. И течет, как река...

Ами. Что —ично?.. Кто говорит? Какая „система“?.. Я ничего не понимаю.. Но, я вижу, вы очень расстроены. Что с вами, деточка?

Леля. Mademoiselle Ами! Забудемте навсегда, что я деточка. К счастью, я больше не „деточка“... И потому говорите мне то, что вы думаете. А не то, что „чадо“ говорить „деточке“. Или — ничего не говорите.. Довольно комедии и лжи!..

Ами. Леля!.. Да что с вами?!

Леля. Не знаю... Раз в жизни это бывает, вероятно, со всеми. Было и с вами.. Приходит день, а быть может и — час,

когда над прошлым проводится черта. И наступает новая жизнь. И все—в новом освещении... Не знаю.. Я еще не успела разобраться... Но, вы правы. Что-то со мной случилось...

Ами. Я вижу!.. Вижу.. Но что-же? Чего?..

Леля. И некоторое время вам придется часто задавать этот вопрос: „что с вами“?.. И отец не узнав меня сейчас... Смотрел широко-открытыми глазами. И задавал тот же вопрос...

Ами. Папа?

Леля. Да. Отец.

Ами. Почему?..

Леля. Долго рассказывать. И, конечно, он расскажет вам сам... Все изменилось. Все... Вчера я упрашивала вас дать мне возможность выслушать „предложение“ этого поплыка. Хочрева. Вы были правы... Я так хотела его выслушать. А сегодня это мне... ни к чему...

Ами. Но, после предложения господина Ренъева, это понятно...

Леля. Ошибаетесь... Ренъев не делал мне „предложение“. Ни вчера, ни раньше... Кстати. Вчера я резко остановила вас. И прошу извинения. Но я должна вам объяснить, — что именно возмутило меня.

Ами. Пожалуйста...

Леля. Когда вы застали меня с человеком, которого я выбрали сама и люблю, вы заговорили тоном возмущенной губернантки. Наставницы. Но только что перед тем вы сами передали мне „предложение“ ничтожнейшего человека. И его слухи...

Ами. Леля!.. Но я передала это предложение только в виде курьеза... смеяясь...

Леля. Нет, mademoiselle Ами. Нет... Правда, робко, нацедившая почву и, очевидно, считая меня глупее, чем я есть, но вы пытались соблазнить меня его миллионами.

Ами. Леля! Милая! За что вы меня оскорбляете? Как вы могли это подумать?!

Леля. Я это почувствовала, mademoiselle Ами. А в таких случаях я верю только себе...

А м и. Дело ваше... Но теперь и я хочу задать вам вопрос. И тоже—кстати...

Л е л я. Слушаю...

А м и. Только ответьте мне правду. Не стесняясь. Откровенно...

Л е л я. Обязательно...

А м и. Дело вашей гувернантки—худо-ли, хорошо-ли — и закончила. Когда вы кончили гимназию. И, если теперь, как компаньонка, я вам не симпатична, или, просто, не нужна, скажите прямо. И я уеду...

Л е л я. Тут мой голос не имеет значения...

А м и. То есть... как?

Л е л я. Я — только ширма. Прежде всего, вы нужны, а, быть может, даже необходимы моему отцу.

А м и. Что вы такое говорите?!

Л е л я. Правду. О которой вы только что просили... Вы живете с моим отцем. И с ним, а не со мной вы должны решить вопрос о дальнейшем.

А м и. Опомнитесь, Елена Александровна!.. Вы понимаете, что вы говорите? И как вы меня оскорбляете?!

Л е л я. Чем? Я не клевещу. Я говорю то, что есть... И, откровенно отвечаю на ваш вопрос.

В и р я з е в *выходит из дома на террасу, съевший яблоко и разодраненный.*

А м и. Вы пришли очень кстати, Александр Петрович. Я сама хотела идти к вам... за вами...

В и р я з е в. (*Поглядывая с террасы на Ами и на Лелю.*) Что случилось еще? Что?!

А м и. Елена Александровна только что объявила мне, что я — компаньонка, ей не нужна...

В и р я з е в. (*Леле.*) Что такое?!. Кто дал тебе право...

А м и. Позвольте. Это не все... Но я необходима вам. Как ваша любовница... А затем, избавьте меня от дальнейших оскорблений. Разрешите уйти в свою комнату... (*Выходит в дом.*)

Вирязев. (*Помятнувшись, грузно садится в кресло*). Что же это?.. Что я должен сделать с тобой после этих выходок?.. Их?!

Леля. Сделать?.. Не знаю.

Бизярев. Надеясь на тебя смирительную рубашку?.. Лечить?.. Посадить в сумасшедший дом?..

Леля. Но, если ~~же~~ Ами все-таки останется моей компанионкой, ей придется сесть со мною...

Вирязев. Как ты говоришь со мной?!. Очевидно, я прав. Ты сошла с ума!..

Леля. Нет!.. Я только вышла из детского возраста. И — прозрела... И сразу увидела, что к сожалению, вы — мой отец!.. И она — не моя компанионка, а ваша... И этот архиерей не архиерей, а ничтожный генерал в рясе... А ваш полицеемейстер не милый Петр Кириллович, который возил мне поразительные игрушки, а вор и взяточник. И ваш сообщник.. И в этом мой ужас и мое отчаяние. И отсюда — моя злоба...

Вирязев. Что это?!. Откуда все это?!

Леля. Подождите!.. Виновата в этом не я. Виноваты вы... Все вы... Зачем, воспитывая меня, вы не подготовили меня к этому ужасу постепенно? Как готовят других детей?.. Незаметно и я превратилась-бы в ничтожную тиару... А на меня вы свалили все это разом. Внезапно. И сейчас я едва справляюсь... С мыслями, со злобой, с ненавистью... (*Мания науки*). Что вы должны со мною „сделать“?.. Немедленно отправить на курсы. Чтобы и дальше я могла видеть... Видеть, а не слепнуть с вами и около вас... В вашем болоте... Среди этой лжи... грязи, произвола и... и воровства... Тут, действительно, я сойду с ума!..

Вирязев. На курсы я тебя не пущу!..

Леля. Пустите...

Вирязев. Не пущу!..

Леля. Я иду туда взрослым, зрелым человеком. И не пустить — нельзя...

Вирязев. (*Вскочив*). Революция! Революция — в собственном доме... Понимаешь-ли ты, как ты оскорбила эту несчастную девушки?!

Леля. Не я оскорбила ее. Вы и она оскорбили меня и... и память моей покойной матери...

Репьев появляется из темной глубины сада, входит на террасу и здоровается с Лелей и Вирязевым.

Леля. Алексей Николаевич. Я немного нездорова. И расстроена. И сегодня урок не пойдет мне на пользу... Прости те, что я не успела предупредить...

Репьев. Пожалуйста... Пустяки...

Леля. Но завтра приходите непременно...

Репьев. Приду. Конечно...

Леля. В это же время... До свиданья. (*Молодежь в дом*).

Репьев, *матка*, ждет Вирязева и гоняет птицы.

Вирязев. (*Стон*). Господин Репьев. Мне необходимо сказать вам два слова.

Репьев. Я слушаю, ваше пр-во.

Вирязев. Предлагаю вам подать завтра в отставку...

Репьев. Причина?

Вирязев. Вам угодно ее знать?.. (*Слышит*).

Репьев. Обязательно!.. (*Слышит*).

Вирязев. Извольте... Я принял вас на службу, совершенно вас не зная... По рекомендации госпожи Спечинской...

Репьев. По моему, выше нет рекомендации...

Вирязев. Это по вашему!.. Она знала вас. Но она должна была знать и то, что чиновником при губернаторе не может и не должен служить социалист... (*Наудачу*). Видите?.. И сами вы не отрицаете, что по убеждениям вы социалист...

Репьев. Во всяком случае, не черносотенец...

Вирязев. Социалист!.. И теперь, когда это стало известно и мне, ни одного дня я не могу терпеть вас на службе. А тем более при себе... Но, мало того, что вы подадите в отставку-с. Немедленно вы покините пределы моей губернии... При этом предупреждаю. Если вы не сделаете этого добровольно, вы будете высланы...

Репьев. В отставку я, конечно, подам. И—в очень близком будущем.

Вирязев. Завтра! Вы подадите в отставку завтра!..

Репьев. Нет. Не завтра, а когда найду нужным я... И из пределов „вашей“ губернии я уеду. Но тоже когда пожелаю сам.

Вирязев. В таком случае, милостивый государь, завтра я удалю вас со службы по третьему пункту. В 24 минуты. И вышлю из губернии в двадцать четыре часа!..

Репьев. Нет, ваше пр-во. Вы этого не сделаете.

Вирязев. А-а!.. Вы воображаете, что вас защищают шашни, которые вы осмелились завести с моей дочерью? Ошибаетесь!..

Репьев. „Шашни“!.. „Уста“ губернатора. А выражения замоскворецкого Гит Титыча... Постыдитесь! Вы говорите о своей дочери...

Вирязев. Я не нуждаюсь в ваших замечаниях!..

Репьев. Как и я — в ваших...

Вирязев. Давольно-сл!.. (*Вставая*). Я получил определенные сведения о вас из Петербурга. И вышлю вас из вверенной мне губернии!..

Репьев. (*Вставая*). Не вышлете. Потому что я получил определенное сведение из Петербурга о том, что еврей Вульф Мордухович Цуккер не может проживать во вверенной вам губернии.

Картина. *Мгновение стоят и смотрят друг другу в глаза.*

Репьев. Ждите-же спокойно, пока я подам в отставку сам. И уеду из „вашей“ губернии... и помините. Вас не защищает даже и то, что я „осмелился завести шашни с вашей дочерью“... (*Кланяется и идет к ступенькам террасы. На мгновение обернувшись*). А ей скажите, что завтра я приду, дать следующий урок... (*Сходит в цветник и направляется в темную глубину сада*).

Вирязев. (*Стоит некоторое время молча, раздумывая*). Ну-да... Вот, когда у самого губернатора!.. „Положение хуже губернаторского“! (*Занавес медленно опускается*).

Конец 3-го действия.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Декорация третьего действия.

Лето. Погожий солнечный день. Четыре часа.

На обеденном столе, накрытом скатертью, самовар, кофейник, миска с шоколадом, вина, прохладительные напитки, фрукты, торты, конфеты и посуда.

За этим столом и за маленькими столиками, на террасе и в цветнике, сидят, едят и пьют, разговаривая: Вирязев, Ами, Леля, Удальцов, Удальцова, Грешнцев, Спешинская, Репьев, граф Стебницкий и кое-кто из бессловесных гостей, бывших на пикнике во втором действии. Хозяйничает за большим столом экономка, а подают все и разносят гостям: Арсений и две горничные.

Кипарисов. (*Входит из дома на террасу, ищет глазами Вирязева и, на ходу кланиясь знакомым, торопливо подходит к нему*). Имею честь поздравить ваше пр-во! С дорогой новорожденной... И вам, и ей желаю здоровья. И счастья!

Вирязев. Благодарю вас, батюшка...

Кипарисов. Знал дитятей.. А шыне подумать надо! — восемнадцать лет! Невеста!.. (*Вполголоса*). Воспользуюсь сим случаем. Выполню поручение вашего пр-ва... Поговорю... О курсах...

Вирязев. (*Тоже вполголоса*). Поговорите, батюшка... Только я уже не думаю, чтобы вам удалось ее уговорить...

Кипарисов. Будем уповать, ваше пр-во... И, с Божьей помощью, — попытаемся... (*Ищет глазами Лелю*). А где же виновница торжества?.. Вот... Узрел... И покину вас, ваше пр-во... А затем подойду. С докладом. (*Подходит к Леле*). Имею честь поздравить вас, Елена Александровна... И от всего моего сердца пожелаю и вам, и многочтому родителю вашему здоровья. И счастья. На многая лета...

Леля. Спасибо, батюшка. И за то, что приехали — спасибо.

Кипарисов. Помилуйте! как-же бы я, да вдруг и—не приехал? Был вашим законоучителем, состою духовником... И горжусь. Горжусь этим...

Леля. Чем-же, батюшка? Таких учениц и духовных детей у вас сотни...

Кипарисов. Как можно, Елена Александровна? Точно-именно сотни. А ты—одни. Единственные... вы дочь первейшего лица в губернии. Сановника... Горжусь... горжусь...

Леля. Это, батюшка, не моя заслуга...

Кипарисов. Имеются и свои. И в изобилии... Да... Взрослая барышня... Невеста... И теперь, своевременно, я желал бы и повенчать вас... С достойным человеком...

Леля. Вряд ли это случится здесь...

Кипарисов. А почему? Или думаете уехать куда?..

Леля. Да... Придется... Осенью...

Кипарисов. Куда-же?

Леля. В Петербург.

Кипарисов. Одни?

Леля. Одна. Вы сами сказали, что я уже не маленькая...

Кипарисов. Не маленькие. Но очень, очень молоденькие... Что-же? Погостить собираетесь?.. К кому-либо из родственников?

Леля. Нет. Учиться. На высшие курсы...

Кипарисов. О!.. Этого я не ожидал...

Леля. Почему?

Кипарисов. Не одобряю я этих женских курсов...

Леля. А этого не ожидала я... Сами вы учитель,—и против учения?..

Кипарисов. Глядя потому, какое учение, Елена Александровна.. По-моему, окончив гимназию.. и с медалью!—в этом смысле вы дело завершили... Выучились. Всему, что требуется... А на этих зловредных курсах уже не учение, а политика.. Пагубная политика...

Леля. Я не отрекалась и от политики... Быть может, зайдусь и ею. Если она увлечет... Я только вступаю в жизнь. И, право, еще не знаю — на что отдаю ее.

Кипарисов. Только,—не на это. Не на политику... Не на бунтарство. Храни вас Господь... Подумайте! Прежде всего, этим вы обидите своего родителя... Больно обидите достойнейшего человека.

Леля. Батюшка. А вам известно, что мой родитель уже очень сильно обидел меня?

Кипарисов. (*Испытывая. И—теряясь*). Сразу не могу и сформулировать что вам ответить!..

Леля. В том-то и дело, батюшка!

Кипарисов. Поражен вашим ответом... Я удручен...

Леля. И, если теперь, на курсах, кроме учения, я займусь и политикой, не он ли сам мой отец и *над* губернатор натолкнул меня на нее?.. И—на „бунтарство“?.. Подумайте... Выпейте винца за мое здоровье и скушайте чего-нибудь...

Кипарисов. За это благодарю... Выпью... И полакомлюсь...

Леля. И сегодня мы еще вернемся к этим вопросам. Только, обещайте мне, что не уедете, не простишись со мною.

Кипарисов. (*Нерешительно*). Обещаю...

Леля. Спасибо... Пойдемте к столу... (*Входит по ступенькам на террасу*).

Кипарисов, на ходу, здоровается с Али и успокаивает ее за обдененный стол.

Леля. (*Отдает ложнице приказание устроить Кипарисова, сама наливает ему вина и сходит с террасы в цветник, направляясь к другим гостям. Встретив Репьеву, задерживает ее около него и—вполголоса*). Приехал... Пусть плачет и выпьет, и я скажу.

Репьев. Да. Пока не разъехались...

Леля. Немного страшно...

Репьев. Страшно?

Леля. И страшно, и весело... Как, во время купанья, — холодная вода...

Репьев. А ты и тут сразу... Бух,—и *кощено!* Помни главное. Твой отец, как и все „ситетские“ люди, больше всего боится скандала. И, чтобы его избегнуть, соглашается на все.

Молча. Без протеста. Да вот, увидишь... А трусишь, — поручи мне...

Леля. Нет, нет!.. Я сама... Только не уходи далеко: И подойди к нам во-время...

Репьев. Будь покойна!.. Не прозеваю... (*Расходитя в разные стороны*).

Грешищев. (*Подходит к Ами*). Аи... Я жду телефона два дня... Что это значит?..

Ами. Невозможно повиноваться... И он, и она все время дома... И я, благодаря последней истории, не выхожу из своей комнаты...

Грешищев. День отъезда еще не решила?

Ами. Готовлюсь... Во всяком случае — на днях...

Грешищев. И с ним еще не говорила?..

Ами. Не выхожу сама и не допускаю к себе его... Допущу накануне отъезда. Чтобы не слушать лишних жалоб. И старческого нытья...

Грешищев. Правильно... А нам необходимо решить и выяснить массу вопросов...

Ами. Знаю...

Грешищев. Где мы встретимся за границей?.. Когда?.. Куда тебе телеграфировать? На чье имя? Наконец — самый шифр условных депеш...

Ами. Да, да... Все это надо решить...

Грешищев. Приходи же... или — позвони...

Ами. Непременно... Вероятно — завтра...

Удальцова *подходит к ним*.

Грешищев. Благодарю вас, т-elle Ами... Ел, пил и совершенно сыт... Ореховый торт — поразительный!..

Ами. Попробуйте земляничный... Еще вкуснее.

Грешищев. Попробую и земляничный... (*Выходит и садится за маленький столик, за которым сидят в одиночестве граф Стебницкий*).

Удальцова. (Ами). Взгляните-ка мадмазель... Который час?

Ами. (Взглянув на часы). Пять...

Удальцова. Сию минуту приедет...

Ами. Кто?

Удальцова. Жених... Сказал ровно в пять... Невесте-
то вы сказали, что — сегодня?

Ами. (Рассеянно). Да. да... Сказала...

Удальцова. А она — что?

Ами. Ждет...

Удальцова. И генералу сказали? О нашем деле?..

Ами. Сказала.. Да...

Удальцова. И про Пуховские деньги сказали?

Ами. Сказала...

Удальцова. Ну, и он что?.. Генерал?

Ами. Рад... И говорит, что постарается уговорить дочь...

Удальцова. Какое бы это дело вышло великолепное!

И все были бы довольны... Вам Михайло назначил за труды
50 тысяч. А на память — брошку. С бриллиантами.

Ами. Да, теперь вопрос только в том,—согласится ли она..

Удальцова. Простите меня, дурой надо быть, чтобы
на такой брак не согласиться! Такой жених на целую губернию
один. Да не в каждой губернии и один-то същется...

Ами. Вот, поговорит с нею сам, тогда узнаем...

Хохрев-сын появляется на террасе из дома, во фраке,
зашитой, с непомерно большим букетом в руках. Остановив-
шись на террасе, ищет глазами Татью.

Удальцова. Приехал! Глядите-ка!.. Букетице-то! Цель-
ный куст!. Ну, да с его миллионами, я бы и не так еще нако-
сила!.. И— обратите внимание! Всем кавалерам носы поутер
все без фраков, а он во фраках!.. Молодец!

Стебницкий. (Гримасничая). Посмотрите, полковник!
Михайло выкосил все тятечкины оранжереи... И— во фраке!
Днем, до захода солнца — во фраке!.. О, дикари, дикари!..

Хохрев-сын, отыскав глазами Татью, направляется к
ней победоносно и торжественно.

Удальцова. (Ами). Пошел! Пошел!.. Что значат ми-
лионы! И дурак, а каким козырем выглядит... Ну, святые Гу-
рий, Самсон и Авив, молите Бога о нас!..

А ми. Это что же за господа?

У дальцова. Это не господа, а святые... Они у нас по бракам и по семейному счастью первейшие...

Хохрев-сын. (*Подойдя к Леле*). Честь имею... Фелицит!.. И вот. (*Подает букет*).

Леля. Благодарю вас... Какой огромный букет...

Хохрев-сын. Да-с... Не пожалел-с... И для вас не пожалею ничего и впреды!..

Леля. Какой вы... милый...

Хохрев-сын. Милый?.. Вот, за это—мириси! И в таком разе разрешите вам тут-же объяснить, что и вы для меня решительно милее всех... Даже можно сказать, что вы та самая избранная мною девица, на которой я только и согласен жениться. Потому, буду говорить прямо—амурё!.. И вот, что я вам скажу в придачу... Ежели вы согласитесь вас озолочу, все долги вашего папашеньки замлачу и ничего не пожалею, чтобы прорваться сперва в вице-губернаторы, а потом и в губернаторы...

Леля. И вы думаете удастся?

Хохрев-сын. Чего это?..

Леля. Пробраться в губернаторы?

Хохрев-сын. С деньжищами-то?... Сан-дут!

Леля. Ну-ну... Валяйте!

Хохрев-сын. Так как-же?

Леля. Чего это?

Хохрев-сын. Согласны?

Леля. Это— в супружницы?

Хохрев-сын. Ну, да!.. И в губернаторши...

Леля. Вот, что... (*Передавая ему букет*). Отдайте кому-нибудь букет, чтобы его поставили в воду. А сами выпейте вина. Или шоколаду. И не уезжайте. Вы услышите мой ответ через полчаса...

Хохрев-сын. Да ну?.. Этак я люблю... Этак я люблю... А я минют—готово! Пойду сяду за паратный стол, рядом с батькой Кипарисовым и буду ждать... Требъян!

Леля. (Поддеваясь под его выговор). Парфетман!.. (Перебегает к Спечинской и садится около нее).

Хохревын подходит к Виряледу, здоровается с ними, затем передает букет одной из горничных, садится рядом с Бинарасовым, наливает себе вина и пьет.

Удальцова. (Ами). Договорились!.. Ей-Богу, они договорились... Не могу больше ждать.. Пойду узнаю... (Идет к террасу, садится рядом с Хохревын-сыном и живо иенно говорит с ним).

Хохревын, видимо рассказывает ей, что дело конечно благополучно. Удальцова очень рада.

Леля. (Спечинской). Тетя Катя. Я начну. А то станут разъезжаться...

Спечинская. Решила, так и—с Богом...

Леля. Не могу выразить—что я переживаю... И счастлива я, и тревожно...

Спечинская. Не мудрено. Начинаешь жить... И решаешь серьезный вопрос. А в жизни девушки, пожалуй, и—самый серьезный...

Леля. Но и—весело... Весело будет видеть растерянные лица этих людей. Обычно они не теряются. А сейчас будут смотреть друг на друга, как испуганные бараны. А на меня, как коровы—на новые ворота.. И не будут знать, что говорить, что делать... Весело!..

Спечинская. Во всяком случае, это будет не обычно...

Леля. А все он придумал: Алеша.

Спечинская. Скромничашь... Вместе придумали...

Леля. Кончим со всеми „вопросами“ сразу и навсегда.. Но, все-таки, если-бы не вы за меня, около меня и со мной, я бы не решилась. А теперь я знаю, что дурного не делаю...

Спечинская. Не делаешь... Строишь собственную жизнь. И имеешь на это полное право. Особенно этот вопрос никто не властен решать за тебя. Никто. Потому что никто не может ответить тебе за последствия того, или иного решения...

Леля. Верно... Решено... Позовите Алешу... Чтобы он был около нас...

Спечинская. Алеша!.. На минутку...

Репьев быстро подходит к Спечинской и говорит с ней спокойно.

Леля. (Встает и громко Кипарисову). Батюшка!

Кипарисов встает насторожившись.

Все сразу прекращают разговоры и смотрят на Лелю.

Хохрев-сын встает и прислушивается.

Леля. (Кипарисову). Вы только что сказали мне, что вы мой законоучитель и духовник—хотели бы со временем и повенчать меня...

Кипарисов. Да... Желал бы... Со временем... (Трудно и распиряно поглядывая на Вирязева, не понимая в чем дело и выжидая дальнейшего, сходит с террасы в цветник и подходит к Леле).

Хохрев-сын, гордо и самоуверенно поглядывая всем, идет за Кипарисовым и останавливается около Лели.

Все прислушиваются внимательнее.

Уdal'цова особенно.

Вирязев, также не понимая в чем дело, смотрит на Лелю с тревогой.

Леля. Вряд-ли это удастся, батюшка. Венчаться я буду не здесь. Но, желая доставить удовольствие и вам, и себе, прошу вас благословить мой будущий брак теперь же... (Берёт за руку Репьева). Кроме Алексея Николаевича я никому не обещала. И иду за него без принуждения. По собственному желанию...

Репьев. (Говорит с лёгкойironией до конца всей сцены). И я никому не обещал. И жениюсь по своему желанию.

Хохрев-сын отодвигается в стёбону с великим разочарованием и очевидным раздражением.

Уdal'цова смотрит распиряенно.

Кипарисов. (Поглядывая на Вирязева). И... и всеконечно—с согласия и с разрешения родителей?

Леля. Конечно, батюшка! Мой отец здесь...

Репьев. А я... сирота!..

Вирязев. Ну-да... Леля говорила мне... И я... я рад...
В этом деле — главное ее выбор... А я... я рад...

Леля. Видите, батюшка: — папа рад... А вместо покойной матери меня благословит моя дорогая тетя Катя... (*Обнимает и целует Спеченскую*).

Репьев. И меня, сироту, благословит тетя Катя. (*Целует руку Спеченской*).

Спеченская *жестом приглашает Вирязева подойти*.

Вирязев *подходит, и они благословляют Челю и Репьева*.

Кипарисов *тоже благословляет их*.

Стебнидкий. (*Гречишеву*). Полковник, это совсем новый брак... Э?.. Церковно-гражданский?..

Гречишев. Да... Такую комедию я вижу впервые.

Стебнидкий. Но, *au fond*, это премило... Оказывается, и в провинции бывает иногда весело... Ну-с... Сделаем подобающие лица и пойдем поздравлять жениха и невесту. И обращенного родителя...

Гречишев. Ну-да... Его лицо определенно радостное... (*Подходит поздравлять*).

Ами и все гости, *столкнувшись вокруг Лели, Репьева и Вирязева, поздравляют их*.

Леля. М-м-е Ами. Папа так рад, что забыл обязанности хозяина. Распорядитесь пожалуйста, чтобы подали шампанского..

Ами. (*Падает на террасу и, прогуляв окно Гречишева, — смеется*). Не уезжайте, не поговорив со мной... Есть маленькие дельце... (*Входит на террасу и, позовив и выяснив прихода Аргиния, отдает ему приказание*).

Леля. Но это не все, батюшка...

Все *смоляются и смеются*.

Леля. Я хочу просить вашего благословения еще на одно дело. Не менее для меня важное...

Кипарисов. Отрадно... Отрадно... И умилительно...

Леля. Я хочу поступить на высшие курсы... И так как *мы* мой *законодатель*, хочу, чтобы и на дальнейшее учение благословили меня именно вы... Помню, в гимназии часто вы

говорили нам: „ученье — свет, неученье — тьма“... Боюсь тьмы и хочу света...

Кипарисов. (*Поглядывая на Вирязева*). Ежели ваш до-стопочтеннейший родитель ничего не имеет и против этого шага...

Репьев. Нет, позвольте, батюшка! Я уверен, что его пр-во ничего не имеет и против этого шага. Но, по существую-щим правилам, для поступления на курсы родители дают разрешение только девице. А замужней — муж... И я разрешаю...

Кипарисов. Но пока вы еще не супруг...

Леля. Я поступлю на курсы в октябре. А повенчаемся мы в сентябре...

Репьев. И я... разрешаю...

Кипарисов. (*Еще раз взглянув на Вирязева*). А в таком разе благословляю и я... Благое дело, благое... Да! Ученье — свет, а неученье — тьма... И, конечно, чем больше ученья, тем больше света...

Арсений и две горничные приносят шампанское и подают гостям и гостьям.

Стебницкий. (*Грешащеву*). Тэк! Тэк! Тэк!.. Она хочет одновременно и учиться и выйти замуж... А мне казалось, что это несовместимо... Что-же... Пойдемте поздравлять и с этим... (*Подают*).

Все поздравляя Лелю, Репнева и Вирязева, покидают и пьют. Затем многие из гостей уезжают. Оставшиеся, разговаривая, возвращаются на свои места.

Леля, Репьев и Спечинская, живягино разговаривая, идут в лунку сада.

Хохрев-сын. (*Подходит к Удалцову*). А вы, „тетенька“, не сваха, а фефела... Комири?!. И, заместо серег с бриллиантами, получите кукиш с маслом... Загнул бы его перел вашим носом сейчас, да — не комиль-фо. А в кармане держу... Считайте за фирмой „Хохрев и сын“... Фефела.. (*Уходит на террасу и в дом*).

Удалцова. (*Ему вслед*). Хам!.. (*Подходит к Вирязеву*). Что-ж это получилось, ваше пр-во?.. Как-же теперь?..

Вирязев. (*Раздраженно*). Что получилось?.. Что теперь?..

Удальцова. Через три месяца не отгадите,—Пухов ждать не станет... Ни одного дня...

Вирязев. Неужели вы думаете, что я не знаю, что это деньги не Пухова, а ваши?..

Удальцова. Да что вы ваши пр-во! Все мои деньги мой благовер...

Вирязев. (*Нервная*). И даже не ваши, а полицеймейстера.. И даже не его, а о-бы-вательские.. Поняли?.. И звавра, сударыня, я поговорю об этом деле не с вами, а с ним.. Поняли?.. С моим полицеймейстером!..

Удальцова. (*Растерянно и испуганно*). Ваше пр-во!..

Вирязев. Довольно-с!.. (*Повернувшись к Удальцову спиной*). м-е Ами!.. На минутку...

Удальцова идет на террасу, гадится к большому столу и садится.

Ами подходит к Вирязеву.

Вирязев. Я счастлив, Ами... Счастлив! Теперь немедленно начинаю ликвидацию всего, прошусь в сенаторы, — и в Париж... С тобою!..

Ами. Кажется поздно... (*Быстро повернувшись уходит в сад*).

Вирязев сущен и взмолкан. *Рассеянно разговаривает с гостями, которые подходят к нему прощаться.*

Кипарисов. (*Подходит к Удальцову*). Улыбнулась моя награда! Теперь не попадет и в его список... Грустно!..

Удальцов. Тут, батя, не только твоей наградой пахнет... Не могу сразу разобраться, но чутче говорит что-то стряслось... Смотри—как свяли. И наша и Амишка...

Кипарисов. Натворила делов дрянная девченка!.. В какое положение поставила и меня и родителя?!

Удальцов. Дело не в девченке... Серьезнее... Трупным запахло... Посмотри: жандарм уставил на него как удав. Видно—слопать хочет... И слопает... А он чего-то растерялся... А растерялся человек, струсил,—погиб... Уж это верно...

Кипарисов. Плохо дело!.. И повернись бьют, и не довернись бьют...

Удальцов. Выход есть, батя...

Кипарисов. Какой?!

Удальцов. Не вертись, не будешь и бит...

Кипарисов. Сейчас не стану и подходить к нему. Проберусь незаметно к выходу, и на утек...

Удальцов. Нет, я пойду. Жандарм его еще не слопал, и пока он все еще — губернатор...

Кипарисов. А досадно... И булочку не досл с цукатом... И винцо не допил... (*Ни с кем не простишись и сожалению поклоняясь на стол, уходит через террасу в дом.*)

Удальцов. (*Подходит к Вирязеву и кланяется*). Ваше пр-во! Разрешите вас поблагодарить. И откланяться... Не будегли приказаний?

Вирязев. (*Очень сурово*). Прошу вас, полковник, приехать завтра не в 11 часов, а в 10.

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во...

Вирязев. Есть дело. И не служебное, а частное. Притом очень неприятное. И для меня, и для вас...

Удальцов. (*Настроение смущенное*). Слушаю, ваше пр-во...

Вирязев. И, если вы желаете к нему подготовиться, рекомендую до свидания со мною, побеседовать с вашей супругой. И с ее родственником, купцом Пуховым... Вы меня поняли?..

Удальцов. Так точно. ваше пр-во... Понял.

Вирязев. (*Подавая две пальца*). До-свиданья...

Удальцов. (*Кланяясь особенно низко*). Честь имею кланяться, ваше пр-во... (*Отходит и, нервничая, щипет глазами жену*).

Грекищев заметив, что Вирязев один, направляется к нему.

Удальцов. (*Увидя жену на террасе, подходит к ней*). Дура, дура и трижды дура!.. Что ты такое натворила?.. Чего?!. Домой!.. И там пожресься, если тут еще не облопалась... О, рыбная ляжка!.. (*Выстро уходит в дом*).

Уда́льцова, дредая чу́сок торта, уходит за ним.

Грешищев. (Подойдя к Вирязеву, садится рядом с ним).
Ваше пр-во... Все это сюрприз и для вас?

Ами, как только Вирязев и Грешищев селись, понял-
ется в сиду, за дерево и следит за ними.

Вирязев. Сюрприз, полковник!.. Такой сюрприз, что я
едва стою. Родная дочь решила вогнать меня в могилу раньше
времени... Революция!.. Революция в собственном доме!..

Грешищев. Притом в губернаторском доме, ваше
пр-во!..

Вирязев. Ужасно!.. Ужасно!..

Грешищев. И я не знаю, как вы выйдете из создавше-
гося положения... Вы собирались удалить его со службы еще
третьего дня...

Вирязев. Ну, да... Но в тот самый вечер, после вашего
ухода, я узнал об этой любви...

Грешищев. И донесения о начальнице вы тоже не из-
волили послать?..

Вирязев. Но, вы видите сами, я причинил-бы этим
дочери огромное горе...

Грешищев. Для нас, людей долга, дела государствен-
ные раньше семейных и личных дел... (*Вставая*). И не посе-
туйте, что отныне по данному делу я буду действовать уже
независимо от вас...

Ами, отдергивается от дерева и медленно приближается к
Грешищеву и Вирязеву.

Вирязев. (*Вставая*). Но, мне кажется, полковник, мы
можем, все-таки, сговориться...

Грешищев. (*Благодаря и протягивая руку*). Не думаю,
ваше пр-во...

Ами. (*Быстро подходит*). Вы уезжаете, полковник?..

Грешищев. (*Благодаря ей*). Да... Мое почтенье...

Ами. Извините, я вас задержу... Ненадолго... (*Садится*).
Приядьте, пожалуйста... (*Указывает место рядом с собою*).

Грешищев садится.

Ами. А вы, генерал.—с этой стороны...

Вирязев садится.

Ами. Долго говорить некогда... И я прошу внимания...

Вирязев. (*Тревожно*). Что случилось, *т-elle* Ами?

Ами. Завтра, с первым пароходом я уезжаю. В Петербург. А оттуда через два дня за границу... Навсегда. Полковник уже выдал мне заграничный паспорт и проездной билет. Как агенту своего ведомства... И потому я проеду беспрепятственно и с полным комфортом...

Вирязев и Грешнщев, *каждый по своему, смотрят на Ами удивленно, широко открытыми глазами*.

Ами. Деньги, которые оба вы получали—каждый из вас знает сам—от кого и за что—и передавали мне для хранения, или в подарок, останутся у меня. Все. И навсегда. Ровно полмиллиона. И поровну: 250 тысяч ваших и 250 тысяч ваших.. Эти деньги я беру себе в награду за все то, что вы оба заставляли меня делать. Заставляли—да!.. Я заезжая шансонетная певичка, а вы здешние цари и боги... Заставляли... И за то еще, что я жила с вами... И с тем, и с другим...

Вирязев. (*Отчаянно*). Ами!..

Грешнщев. (*Повелительно*). Аи!..

Ами. Вот-вот!.. Я и получила их и как Ами, и как Аи.. (*Вынимая из кармана два конверта*). Вот, два письма... (*Передавая их*). Это—вам. А это—вам... Вам, генерал, я пишу все, что знаю о полковнике, а вам, полковник, все, что мне известно о генерале... И вы убедитесь, что мне известно все. И о вас, и о вас...

Вирязев. Ами!.. Такая неблагодарность!.. Такое коварство!.. Ами!..

Ами. Бросьте! Вы не юноша. И я не девочка...

Грешнщев. Я вас немедленно арестую, сударыня!

Ами. Нет... И вот—почему. Третье письмо, — и о вас, и о вас адресовано министру внутренних дел и шефу жандармов. И отправлено в Петербург, верному человеку. С тем, что, если я не приеду в Петербург послезавтра, к вечеру, на утро оно будет доставлено по адресу. Поняли? Озабочтесь-же оба,

чтобы я приехала благополучно. И во-время... И имейте в виду, что это третье письмо будет мне возвращено только когда я буду уже в полной безопасности—за границей... (*Вставая*). А затем— мой привет!.. (*Делает словно со сцены, шаловливо-прощальный жест рукой, убегает на террасу, пьет залпом стопку шампанского, лицо бросает стопку с террасы в цветник и разбивает ее, и уходит в дом*).

Вирязов и Грешищев смотрят друг на друга. И, после продолжительной мимической игры, молча-жгут обмениваются нераспечатанными конвертами. Зажав ее медленно опускается.

П. 53 г.

ИЗДАНИЕ
ВОЛОГОДСКАГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
г. ВОЛОГДА
1922 г.